

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

**ЛИТЕРАТУРА СОВЕТСКОЙ РОССИИ В КРИТИКЕ РУССКОГО
ЗАРУБЕЖЬЯ 1920-30-Х ГГ.**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
45.04.01 Филология, магистерская программа «Русская словесность»
очной формы обучения, группы 02031611
Гунько Любовы Олеговны

Научный руководитель
кандидат филологических наук,
доцент Ширина Е.А.

Рецензент
профессор, кандидат
филологических наук, доцент
Кулабухова М. А.

БЕЛГОРОД 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС СОВЕТСКОЙ РОССИИ В ИЗДАНИЯХ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ	9
1.1. Взгляд на советскую литературу в изданиях русского зарубежья.....	9
1.2. Советская литература в критике журнала «Числа».....	16
ГЛАВА 2. ЖУРНАЛ «СОВРЕМЕННЫЕ ЗАПИСКИ» КАК НАИБОЛЕЕ ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ В КУЛЬТУРЕ ЭМИГРАЦИИ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ	29
2.1. Специфика журнала «Современные записки».....	29
2.2. Литература советской России в критике журнала «Современные записки».....	39
ГЛАВА 3. ТВОРЧЕСТВО М.ШОЛОХОВА В КРИТИКЕ МЕТРОПОЛИИ И РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ	46
3.1. Роман М.А. Шолохова «Тихий Дон» в российской критике	46
3.2. Произведения М.А. Шолохова в осмыслении эмигрантской критики....	55
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	64
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	67

ВВЕДЕНИЕ

Русская литература прошлого века была разорвана на два потока, два разделенных географически и политически литературных процесса. И до сих пор отсутствует глубокое понимание единства отечественной словесности в советской России и в русском зарубежье. После событий Октябрьской революции 1917 года и братоубийственной Гражданской войны 1918-1921 годов Россию массово начали покидать выдающиеся философы, писатели, художники, стремящиеся любой ценой получить право творческой свободы. В очагах русской культуры зародилась и поддерживалась интенсивная и плодотворная литературная жизнь. Наиболее значимы труды литераторов первой волны русской эмигрантской литературы (1918-1940 гг.).

Сегодня нет недостатка в научных трудах, посвященных прозе и поэзии русского зарубежья, закончено издание «массовых» собраний сочинений А.Т. Аверченко, Г.В. Адамовича, М.А. Алданова, А.В. Амфитеатрова, И.А. Бунина, Г.И. Газданова, Г.В. Иванова, Д.С. Мережковского, З.Н. Гиппиус, В.В. Набокова, Б.К. Зайцева, Б.Ю. Поплавского, А.М. Ремизова, Н.А.Тэффи, В.Ф. Ходасевича, А.М. Черного, И.С. Шмелева. Как в Академии наук, так и в вузовских научных центрах, защищены ряд докторских и кандидатских диссертаций. В Институте мировой литературы РАН реализуется программа издания коллективных монографий «Литература Русского Зарубежья: 1920–1940» (ответственный редактор О.Н.Михайлов). Первые две книги серии посвящены творчеству крупнейших писателей русского рассеяния, третий выпуск включает статьи о периодических и продолжающихся изданиях русского зарубежья, в четвертый выпуск вошли статьи о многих писателях так называемого «второго ряда». Под эгидой Института научной информации по общественным наукам РАН создана четырехтомная «Литературная энциклопедия Русского Зарубежья: 1918–1940» (главный редактор А.Н.Николюкин), включившая написанные

ведущими специалистами сотни статей о писателях, журналистах, издательствах, периодических и продолжающихся изданиях, кружках и объединениях, наиболее значительных книгах. Результаты изучения поэтики конкретных произведений и творчества отдельных писателей позволяют в настоящий момент вплотную подойти к созданию фундаментальных очерков жизни и творчества писателей, углубленных исследований по поэтике и, наконец, ставить задачу выявления общих закономерностей развития русской литературы XX в.

Выполнение этой задачи необходимо для сохранения ценностей русской культуры, важно найти понимание преемственных связей между разными периодами развития отечественной словесности и между разделенными потоками. Об этом убедительно писал Д.Д. Николаев в статье «Единство, но не тождество (к изучению русской литературы 1920–1930-х годов)»: «Тенденция отсекал часть русской литературы по географическому или идеологическому признаку, равно как и другие «вненаучные» факторы, препятствовали полноценному комплексному изучению отечественной литературы XX в. Лишь в период «перестройки» в литературоведении постепенно начинает восстанавливаться «целостность» русской литературы. Этому способствует как возвращение забытых и запрещенных имен и произведений, созданных в метрополии, так и широкомасштабная публикация на родине сочинений писателей русского зарубежья» [Николаев 2005: 156-157]. Когда мы говорим о единстве русской литературы XX в., мы понимаем не единство идеологическое, эстетическое или этическое. Мы говорим прежде всего о наличии неких общих черт и общих закономерностей, тесно связывающих два потока русской литературы. Это и общность языка, и общность традиции, о чем писали А.Н. Николукин и А.И. Чагин, это и «единство двух половин», каждая из которых в 1920–1930-е годы во многом существует именно как оппозиция другой. Д.Д. Николаев справедливо утверждал, что «необходимо изучать русскую литературу, как

литературу единую, независимо от того, где находился писатель в то время, когда создавалось произведение. С другой стороны, литература эмиграции и литература метрополии требуют рассмотрения и с точки зрения *межлитературных* связей, поскольку единство их не есть их тождество» [Николаев 2005: 161]. Наша работа находится в русле этой масштабной научной проблемы, нам представляется значимым описать специфику взгляда на литературу советской России критикой русского зарубежья.

Многие исследователи эмигрантской литературы отмечали, что литературная критика писателей зарубежья выделяется необыкновенно высоким уровнем и вносит весомый вклад в сокровищницу русского литературоведения. Так, Ю. Иваск писал, что *«самое интересное, что дала эмигрантская литература, – это её творческие комментарии к старой русской литературе»* [цит. по: Коростелёв, Мельников 2000: 3]. А.Г. Струве отмечал: *«Едва ли не самым ценным вкладом писателей в общую сокровищницу русской литературы должны будут признаны разные формы нехудожественной литературы – критика, эссеистика, философская проза, высокая публицистика и мемуарная проза»* [Струве 1956].

Основными темами критики русского зарубежья, по мнению А.А. Кольовски, автора статьи «А.Л. Бем о советской литературе», стали: молодая эмигрантская литература; эмигрантская литература писателей старшего поколения; русская классическая литература, советская литература и литературная ситуация в Советской России. Последняя тема была наиболее болезненной, особенно в 1920–30-е годы, так как с происходящим в России был связан и процесс самоидентификации русской эмиграции, определения ею своей культурной и исторической миссии [см.: Кольовски 2014: 91].

В многочисленных журналах, выпускаемых русским зарубежьем, критики особое внимание уделяли оценке деятельности писателей, создававших свои произведения в России. Но именно критика русского зарубежья сегодня наименее изучена, в то время как критика, будучи самой

скорой и зачастую самой точной реакцией на литературное произведение (уже в силу общего временного фона, понятных двум сторонам – художнику и критику – культурно-политических реалий) позволяет наиболее четко прочертить внутрилитературные связи.

Критика двадцатого столетия, как в части «советской» литературы, так и в части наследия русского зарубежья, остаётся пока областью недостаточно освещённой в вузовских учебниках: в пособии В.В. Прозорова дана минимальная информация о названном периоде, у М.М. Голубкова, подготовившего первый учебник по истории критики 1920-1990-х гг., осмыслен только литературный процесс метрополии [Голубков 2008]. С научной литературой ситуация близкая; как отмечает Е.А. Ширина, книга Н.В. Корниенко малодоступна из-за небольшого тиража (Корниенко 2010), коллективный труд под редакцией Е. Добренко и Г. Тиханова, содержащий одну главу об эмигрантской критике, порой излишне тенденциозен; история критики зарубежья представлена в основном частными исследованиями и обширной библиографией [см.: Ширина 2014: 127].

Во многом меняет положение с изучением истории критики первой волны эмиграции, хотя и не закрывает проблему, сетевой проект «Эмигрантика», разрабатываемый с 2009 года О.А. Коростелевым, ведущим научным сотрудником, зав. отделом истории литературы и печатного дела Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. Значимость проекта – в обеспечении открытого доступа к первоисточникам, перечень которых постоянно пополняется. И всё-таки, несмотря на привлекательность электронных носителей информации, сохраняется потребность в книге; поэтому востребованы ставшие хрестоматийными два тома из «Библиотеки русской критики», вышедшие в 2002 году. Составили это литературно-художественное издание О.А. Коростелев и Н.Г. Мельников, (кстати отметим, десятитомная серия закрывается сборником статей 1917-1932 гг.).

Актуальность работы определяется необходимостью изучения особенностей литературы советской России в критике русского зарубежья 1920 - 30-х гг., опираясь не только на крупные журналы и издания, но и делая акцент на менее известные источники, что позволит сформировать целостное представление о советской литературе в критике русского зарубежья.

Изучив многочисленные работы исследователей, посвящённых анализу литературы эмиграции, мы пришли к выводу о том, что большая их часть строится на изучении творчества отдельных писателей, а критические статьи журнальных и газетных изданий зарубежья анализируются в связи с конкретными персоналиями. В связи с этим, **научная новизна** диссертации заключается в рассмотрении критической мысли литературных изданий русского зарубежья, ориентированных на анализ литературного процесса советской России как тематического целого, отражающего тенденции литературного процесса первой трети XX века.

Цель: изучить своеобразие осмысления литературы советской России в критике русского зарубежья 1920-30-х гг.

Объект: эмигрантская критика 1920-30-х гг.

Предмет: своеобразие освещения литературного процесса в советской России и романов М. Шолохова («Тихий Дон» 1-2, «Поднятая целина»)

Задачи:

- описать круг литературно-критических изданий русского зарубежья, ориентированных на анализ литературного процесса советской России;
- охарактеризовать творческие индивидуальности критиков, уделявших наибольшее внимание литературе советской России;
- выявить специфику критики русского зарубежья, сопоставив отклики на романы М.А. Шолохова в метрополии и эмиграции.

Методологической и теоретической основой исследования послужили труды главных деятелей русского зарубежья: Г.В. Адамовича, В.С. Варшавского, Г.П. Струве, В.Ф. Ходасевича, Н. Оцуца и других, а также работы современных отечественных литературоведов О.Н. Михайлова, В.В. Агеносова, О.А. Коростелева, Н.Г. Мельникова, А.П. Авраменко, В.В. Васильева, К.А. Жульковой.

В процессе работы были использованы следующие **методы**: теоретический анализ трудов различных авторов по теме исследования; а также исследовательский метод, сравнительный и культурно-исторический.

Научно-практическая значимость исследования состоит в возможности использования его положений и выводов в вузовской практике преподавания истории критики, при разработке лекционных курсов по истории русской литературы XX века.

Цели и задачи настоящей работы обусловили ее структуру.

Работа состоит из введения, трёх глав, заключения и библиографического списка.

Во **введении** обосновывается выбор темы и ее актуальность, рассматриваются работы предшественников, определяются цель, задачи и методы исследования.

Апробация работы была осуществлена на II Всероссийской научной конференции «Карамзинские чтения», 15 декабря 2017, доклад «Советская литература в критике журнала «Числа», г. Белгород; на X Международном молодёжном научном форуме «Белгородский диалог – 2018: проблемы истории и филологии», 18-23 апреля 2018, г. Белгород, доклад «Роман М.А. Шолохова «Тихий Дон» в оценке русского зарубежья».

ГЛАВА 1. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС СОВЕТСКОЙ РОССИИ В ИЗДАНИЯХ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

1.1 Взгляд на советскую литературу в изданиях русского зарубежья

Эмиграция трагично сказалась на судьбах миллионов русских людей, лишив их Родины, прежнего уклада жизни, что способствовало разделению русской культуры на две части: советскую и культуру русского зарубежья.

За пределами родной земли оказались грандиозные деятели культуры, философии, литературы, науки. Необходимым условием продолжения творческой деятельности и поддержания интеллектуальной и культурной жизни изгнанников явилось печатание и распространение русского слова [см.: Насрутдинова 2007]. Создавались многочисленные издательства: «Геликон», «Мысль», «Петрополис» (Берлин), «Пламя» (Прага), «Русская земля», «Современные записки», «Возрождение» (Париж), «Библиофил» (Ревель), «Русская библиотека» (Белград), «Северные огни» (Стокгольм), «Граматы драугс» (Рига), «Россия – Болгария» (София) и многие другие. Были организованы различные клубы, салоны и литературные общества для поддержания контактов между соотечественниками, финансовой и моральной поддержки писателей, для благотворительных мероприятий: «Союз русских писателей и журналистов в Париже», «Союз русских журналистов и литераторов в Германии» [там же].

В двадцатые годы крупнейшими литературными центрами эмигрантской жизни стали Берлин, Париж, Прага.

Так, в Берлине заметным явлением литературной жизни стала газета «Руль», литературно-критический отдел в которой возглавлял Ю.И. Айхенвальд. Также в свет выходило множество журналов, альманахов, сборников, например, журналы «Русская книга», «Эпопея», «Беседа». Основную цель редакторы этих журналов видели в возможности

восстановить разорванные культурные связи с родиной, позволить писателям из России, подвергшимся суровой цензуре дома, опубликовать свои произведения за границей. Кроме того, большое место занимали в них переводы современных зарубежных писателей, обзоры иностранной литературы, призванные познакомить «русских грамотных людей» с культурной жизнью Европы.

Берлин в первой половине 1920-х гг. называли «литературной столицей русской эмиграции», где жили, работали, публиковали свои произведения такие известные авторы, как А.Толстой, М.Горький, Б.Пастернак, А.Белый, В.Ходасевич, В.Набоков, В.Шкловский, А.Ремизов, Г.Иванов и многие другие. В числе литераторов, посещавших Берлин, были В.Маяковский, С.Есенин, М.Цветаева.

В воспоминаниях русского художника С.Сегала жизнь того времени в Берлине описывается следующим образом: «В глаза бросаются витрины, плакаты, рекламы: «“ Мы говорим по-русски”, книжный магазин “Родина”, ресторан “Медведь”, кафе “Москва”, русские парикмахерские, газетные киоски, газеты, журналы. Мирное завоевание! Немцы об этом не беспокоились, они к этому привыкли» [цит. по: Авраменко 2011: 21].

В берлинской газете «Руль» литературовед и критик А.Л. Бем в своих статьях обзорно характеризует специфику произведений и событий литературного процесса в советской России. Обращаясь к советской литературе, Бем оценил умение литераторов писать о проблемах современности: *«Этой традиции остался верен писатель в советской России и сейчас. Объяснять это только “социальным заказом” нельзя. Нет, это глубоко национальная черта русского писателя, это русская потребность по горячим следам художественно осмыслить происходящее, отразить глубокие перемены и сдвиги, которые несет с собою историческая эпоха»* [Бем 1930: 391]. Самыми талантливыми писателями новой эпохи Бем считает Гладкова и Шолохова.

В небольших обзорах «газетного формата» А. Бем сумел представить достаточно полную, многостороннюю оценку литературной ситуации метрополии и эмиграции 1920-1930-х гг. Публицистический пафос его статей позволяет сегодняшнему читателю почувствовать накал литературной борьбы той эпохи, а научная объективность, определяющая подход Бема к оценке разных фактов и явлений литературного процесса, поставила его «письма» в один ряд с серьезными исследованиями. Следует сказать, что время подтвердило справедливость многих оценок Бема, в том числе его видение будущего русской литературы: *«Ее возрождение придет с воссоединением двух ее разъединенных сейчас частей – литературы эмигрантской и литературы советской. На той и другой лежит огромный долг – сохранить жизненную правду и художественную силу русской классической литературы»* [там же].

Берлинская литературная критика отличалась ярким жанровым разнообразием. Немногочисленные монографические работы, замысел и написание которых можно отнести к дореволюционному периоду, отражают картину берлинской литературной жизни не полно. Основным способом выражения мнений и взглядов становятся здесь газетные и журнальные публикации: рецензии, речи, репортажи с юбилеев, юбилейные статьи, некрологи, публицистическое эссе, воспоминания, отзывы одного писателя о другом. В условиях эмиграции литературная критика служила выражению не только эстетических, но и идеологических пристрастий редакций газет, журналов и стоявших за ними политических групп, была важнейшим средством пропаганды.

Во второй половине 1920-х годов литературным центром становится Париж. Именно здесь располагалось Центральное правление Союза русских писателей и журналистов, отделения которого можно были встретить в Германии, Польше, Чехословакии, Югославии, Болгарии, Константинополе.

А.Биск, поэт и критик Серебряного века, писал: «Париж всегда был в моде у русских».

Большой популярностью пользовалась в жизни парижской эмиграции еженедельная литературно-политическая газета «Звено», которая выходила с 1923 года. Ведущими критиками в ней стали Г.Адамович, К.Мочульский. Регулярно печатались П.Бицилли, В. Вейдле, М. Кантор, Г. Лозинский.

Крупнейшими литературными журналами Русского Парижа стали «Грядущая Россия» под редакцией М.А. Алданова и А.Н. Толстого, «Современные записки», ставшие основным и самым престижным общественно-литературным органом русского зарубежья (1920 - 1940), также популярностью у известных писателей пользовались газеты «Последние новости» и «Возрождение».

Официально журнал «Возрождение» считался продолжением одноименной газеты. Журнал выходил под эпитафией: «Величие и свобода России. Достоинство и права человека. Преемственность и рост культуры». Первый подзаголовок «Возрождения» был «Литературно-политические тетради», что указывало на более литературно-критический характер нового издания. Журнал по-прежнему считался органом того политического направления русской национальной мысли, которое называлось в честь газеты «возрожденчество». По своим идеологическим убеждениям был близок к православной церкви, к сохранившимся кругам белого добровольческого движения. Г.А. Мейер в юбилейной статье так характеризовал общественно-политическую направленность «Возрождения» — «непредрешенчество» и беспартийность, при этом пояснял: «...имперская синтетическая надпартийность, способность благоговейно сохранить, удержать в себе духовную идею, веками создававшую Киевскую и Московскую Русь и великую имперскую петербургскую Россию».

Особенностью журнала «Возрождение» была очень примечательная орфография. В ней отсутствуют буква «фита» и твердые знаки на конце слов,

но согласно дореволюционным правилам есть 1 и «ять». Только в 1970 г. журнал «Возрождение» перешел на современную орфографию. До 1955 г. журнал выходил в красной обложке, а затем — в белой, с фотографией, символизирующей тему номера.

Каждый номер содержал примерно по 160 страниц, которые заполнялись поэзией, прозой литературной критикой, историей и политикой. На страницах «Возрождения» постоянными авторами были историки и общественно-политические деятели: С.Л. Войцеховский, Г.К. Гинс, А.И. Деникин, Е. А. Ефимовский, П. Е. Ковалевский, С. С. Оболенский, С.А. Зеньковский, С. Лесной (С. Я. Парамонов), В. А. Маклаков, С.П. Мельгунов, П. Б. Струве, И. И. Тхоржевский, Н. И. Ульянов, Н.А. Цуриков, М. Д. Шаховской и др., известные философы: Б.П. Вышеславцев, В. В. Зеньковский, В. Н. Ильин, И. А. Ильин, А.В. Карташев, Н. П. Полторацкий, Е. В. Спекторский, Ф. А. Степун, Н.С. Тимашев и др.

В журнале публиковались самые известные поэты и прозаики русской эмиграции: И.А. Бунин, З. Гиппиус, Я.Н. Горбов (вел рубрику «Литературные заметки»), Ю. Иваск, Г. Иванов, И. Елагин, Б. К. Зайцев, Д. Кленовский, Ю. Крузенштейн-Петерец, И. С. Лукаш, Д. С. Мережковский, И. Одоевская, А.М. Ремизов, А. М. Ренников, Н. Н. Станюкович, В.Д. Самарин, И.Д. Сургучев, В. Я. Тарсис, Н.А. Тэффи, Н. Туроверов, Б.А. Филиппов, З. А. Шаховская, Б. Н. Ширяев, И. С. Шмелев и многие другие. В журнале впервые были опубликованы мемуары Б.П. Вышеславцева, Г. Иванова, Ю.П. Анненкова, С.К. Маковского, Ю.Ф. Семенова и др.

Выходили тематические номера, посвященные Белому движению, русскому балету, Николаю II, русским писателям и поэтам/

Именно в газете «Возрождение» хроникальную рубрику «Литературная летопись» вёл В. Ходасевич совместно с Н. Берберовой под общим псевдонимом Гулливер.

Ещё одним важнейшим культурным центром русского рассеяния стала Прага. Здесь существовал Союз русских писателей и журналистов, постоянно организовывавший литературные лекции, дискуссии и вечера чтений.

Одним из самых известных пражских литературно-художественных журналов стал журнал «Воля России», в котором часто уделяли внимание обзорам советских журналов, информации о литературной жизни метрополии, многочисленным произведениям новых писателей Советской России. Среди множества издательств выделяется пражское «Пламя», которое выпускало книги русских классиков, современных эмигрантских авторов, научные исследования, учебники. Самым значительным изданием, на страницах которого большое внимание уделялось вопросам литературы и культуры, был основанный эсерами толстый журнал «Воля России» (1920-1923). В его редколлегии активную роль играли В. Сухомлин и впоследствии авторитетный историк русской литературы Марк Слоним [Авраменко 2011: 57].

Этот журнал стал отражением особого духа русской Праги в первую очередь потому, что стал выразителем настроений той части диаспоры, которая пришла к выводу о возможности сотрудничества с советской Россией [там же].

В критике русского зарубежья большого внимания удостоилось творчество Е.Замятина. В период 1921-1923 годов берлинские издательства «Слово», «Петрополис» выпустили такие книги писателя, как «Огни святого Доминика», «Большим детям сказки», «О том, как исцелён был отрок Эразм». Зарубежные публикации прозы Замятина расширили его читательскую аудиторию. Критики русского зарубежья внимательно следили

за литературной деятельностью Замятина, так как после написания романа «Мы», автор был включён в число истинных творцов русского искусства.

Так, в берлинском издании появились критические отзывы на творчество Замятина. В них содержались высокие оценки произведений писателя, его называли исключительным мастером, отмечали ироничность его текстов.

Например, Адамович, реагируя на книгу Замятина «Роберт Майер», подчеркнул яркий психологизм прозы писателя, отметил своеобразную особенность его творчества – воссоздание психологического образа: *«Читатель только выигрывает, когда данные об открытиях Майера ему преподносятся в блестящей литературной форме, и когда ряд интересно подмеченных черт личности жизни учёного перемежается с общей философской характеристикой его»* [цит по: Бодров 2001: 55].

Говоря о новаторстве творчества Замятина, А.Яценко отметил, что писатель *«был главным инициатором плодотворного поворота в нашей современной художественной прозе к сюжету, к интересному рассказу, к освобождению её от тщательного описывания деталей, за которыми или не оказывалась или терялась основная фабула рассказа, чем грешило почти всё предшествующее поколение наших беллетристов»* [там же].

Таким образом, обоснованность суждений о литературном мастерстве писателя ещё раз подчёркивает желание эмигрантской критики не упускать из виду новые произведения советской литературы, творчеством оригинальных писателей, анализировать наиболее значимые достижения в области прозы, поэзии, драматургии.

Говоря об оценках литературы советской России в русском зарубежье, стоит отметить, что признанные советской критикой писатели А. Фадеев, А.Фурманов, Н.Островский, Б.Лавренев, приветствовавшие революцию и социалистический путь страны, не были там сколько-нибудь интересны. Думается, что связано это не столько с эстетическими причинами, не с

художественной слабостью их произведением, сколько с идеологической враждебностью.

В книге Б.Л.Беляева «Александр Александрович Фадеев. Биография писателя» приведены слова А. Фадеева о своем творчестве: «Путь А.Фадеева в литературу типичен для многих советских писателей.

«Как начала создаваться советская литература? Она создавалась людьми, такими, как мы, – рассказывал А.Фадеев. – Когда по окончании гражданской войны мы стали сходитья из разных концов нашей необъятной родины – партийные, а еще больше беспартийные молодые люди, – мы поражались тому, сколь общи наши биографии по разности индивидуальных судеб. Таков был путь Фурманова, автора книги «Чапаев», по которой впоследствии был сделан кинофильм, прославившийся еще больше чем книга. Таков был путь более молодого и, может быть, более талантливого среди нас Михаила Шолохова. И великим подвигом был путь Николая Островского. Лишенный зрения и разбитый параличом вследствие полученных на фронте ранений, он создал бессмертную книгу о нашем поколении – «Как закалялась сталь»....

Мы входили в литературу волна за волной, нас было много. Мы приносили свой личный опыт жизни, свою индивидуальность. Нас соединяло ощущение нового мира как своего и любовь к нему...» [цит. по: Беляев 1969: 52].

В.Г. Боборыкин говорил, что у писателей, которые принадлежали к партии большевиков был свой подход к образам главных героев времени: *«Они стремились подчеркнуть, с одной стороны, человеческую их обыкновенность, с другой – способность к полному самоотречению во имя торжества революции и непомерную ответственность той доли, которую для себя избрали. Однако, высмеивая кожаные куртки и железные челюсти, эти писатели, случалось, впадали в другую крайность: превращали своих героев в фигуры мелодраматичные»* [Боборыкин 1976:32]. О творчестве

Фадеева он писал следующее: « ... А. Фадеев в своих ранних произведениях рисовал большевиков так, чтобы читатель, испытывая уважение к их мужеству, одновременно и сострадал им.

Желание пробудить у читателя, может быть еще несколько настороженно присматривавшегося к большевикам, чувство человеческой близости к ним было естественным и понятным. Но для большинства писателей фигура большевика оставалась воплощением такой силы и духовной и физической, которая не нуждалась, ни в участии, ни в моральной поддержке. Во всяком случае, еще в течение ряда лет «кожаные куртки» теснили «живого человека» во всех жанрах литературы. В тесном родстве с ними были и Кожух в «Железном потоке» А.Серафимовича, и Курт Ван в «Городах и годах» К.Федина<...> – словом, большая часть широкоизвестных литературных героев первой половины 20-х годов» [Боборыкин 1979:33].

«Не менее значительным завоеванием литературы 20-х годов стали повести и рассказы Б.Лавренева, который был, по существу, первым, кто увидел и показал, как из разных человеческих натур, одухотворенных идеями революции, рождаются столь же разные, в свою очередь, типы большевистского характера. Во всех рассказах его нет и двух образов, которые сколько-нибудь напоминали бы друг друга» [Боборыкин 1976:34].

Возвращаясь к вопросу о том, почему писатели-коммунисты не были интересны критикам русского зарубежья, отметим, что это не был снобизм образованного меньшинства по отношению к самодеятельным, из низов вышедшим литераторам, это было неприятие «правды» красных, неприятие исторического оптимизма, социалистического реализма, героико-романтического пафоса, всего строя идей писателей, с энтузиазмом строивших новую культуру, пролетарскую литературу.

Проанализировав ряд критических статей эмигрантов, мы пришли к выводу, что писатели русского зарубежья своей задачей считали сохранение

духовных ценностей русской классической литературы, поэтому с неприятием относились к экспериментам со стилистикой и языком произведений. Так, в своих критических работах одни литераторы писали, что в советской России невозможно создать талантливые произведения из-за жёсткой цензуры, политического заказа, из-за того, что крупные и талантливые писатели покинули страну. А другие, напротив, вставали на защиту советской литературы, видя в ней героическую попытку продолжения и сохранения прежних традиций. Несмотря на разнообразие позиций по отношению к литературе советской России, все эмигранты не принимали сугубо «советских» писателей, соцреализм, критика во многом сохраняла политизированный характер.

1.2 Советская литература в критике журнала «Числа»

В 1930 году в Париже появился новый журнал «Числа», выходивший до 1934 года, редакторами которого выступали И. де Манциарли и Н. Оцуп, *«первая книжка в своем художественном отделе делает «ставку» на литературную молодежь»*. За пять лет было выпущено 10 номеров (в 8 книгах).

Как отмечали многие литераторы и исследователи, в числе постоянных сотрудников и авторов журнала практически не было «маститых», известных читателю писателей и поэтов, а печатались в основном авторы младшего поколения русской эмиграции: Гайто Газданов, Борис Поплавский, Игорь Чиннов, Юрий Мандельштам, Юрий Терапиано, Юрий Фельзен, Лидия Червинская. Здесь был впервые опубликован «Роман с кокаином» М. Агеева. Печатались также Георгий Адамович, Георгий Иванов, Зинаида Гиппиус, Борис Зайцев, Дмитрий Мережковский, Алексей Ремизов, Семён Франк, Лев Шестов, Георгий Федотов.

Редакторы журнала стремились исключить из «Чисел» политику, публицистику, социологию и науку, отводя много места живописи, театру, кинематографу, вопросам искусства вообще, что и стало новаторством данного издания. Об этом в своей критической статье положительно отзывался К.Зайцев: «Журнал, отмечающий вопросы политики, а тем самым и вопросы злободневной социологии и идеологии, и ставящий себе целью удовлетворять именно этой потребности, был бы желанным явлением и смог бы при достаточной широте его ведения сыграть немаловажную роль в культурной жизни Русского Зарубежья» [Зайцев 1930]. Каждый сборник был напечатан на качественной бумаге, имел большой объём (до 300 страниц), содержал множество цветных иллюстраций и репродукций.

Всех, кто печатался в журнале «Числа», объединяло неприятие современной буржуазной цивилизации, размышления о цели жизни и смысле смерти. Журнал называли новаторским, оппозиционным по отношению к традиционному искусству, но, тем не менее, в нём наблюдалась преемственная связь с традициями русской классической литературы, здесь публиковали свои произведения, очерки и рецензии писатели старшего поколения. Отличительной чертой «Чисел» является и то, что здесь могли опубликовать свои работы, показать новые эстетические подходы в литературе молодые авторы. Большое внимание редакторы журнала уделяли и отделу русского искусства, способствуя, таким образом, его включению в мировой художественный контекст.

Н.В. Ершова писала, что в историю литературы «Числа» вошли как журнал, в котором и вокруг которого в основном сложилась так называемая парижская нота — не оформленная организационно поэтическая школа, ориентирующаяся на требования, предъявлявшиеся к поэзии Г. Адамовичем. Именно в «Числах» сотрудничали, по свидетельству В.С. Варшавского, главные идеологи «парижской ноты»: Г. Иванов, Г. Адамович и сам Н. Оцуп. Один из наиболее ярких адептов и пропагандистов «парижской ноты»

Ю. Иваск многократно писал, что это не была школа в обычном смысле, но «лирическая атмосфера», а главную заслугу Адамовича усматривал именно в том, что тот «умел создать литературную атмосферу для зарубежной поэзии. В «Числах» же печатались молодые представители «парижской ноты» [см.: Ершова 2008: 192].

В эмигрантской печати то и дело появлялись новые взгляды на деятельность «Чисел». А Савельев писал о новом взгляде на окружающую действительность всех тех, кто объединился вокруг журнала: *«Какое-то новое мировоззрение или что-то еще неуловимое, но уже чувствуемое — сближая группу людей, объясняет им как-то иначе, нежели их предшественникам, писательское призвание, диктует им еще смутную, но уже явно несходную со всем предыдущим программу»* [Савельев 1930: emigrantika.ru].

Эта группа людей, почувствовавших «неуловимое» и намечающих «явно несходную со всем предыдущим программу» объединилась вокруг нового журнала. «Числа» внешне изданы превосходно и снабжены воспроизведениями картин современных русских художников» [там же].

С одной стороны, задумку редакторов журнала по достоинству оценили. Так, Адамович в статье «Литературная неделя» отмечал: *«Первый номер составлен очень удачно и впечатление оставляет отличное. Можно соглашаться или не соглашаться с тем, что пишет о Бунине Антон Крайний, можно спорить о беллетристических приемах Одоевцевой или Фельзена и Газданова, но читать все это интересно. Материал в журнале на редкость живой. А изданы «Числа» так, как давно у нас ни одна книга уже не издавалась»* [Адамович 1930: emigrantika.ru]. А Осоргин писал: *«“Числа” – очень удачное литературное предприятие, в сущности, единственный живой художественный журнал»* [Осоргин 1930: emigrantika.ru]. Он считал, что «в узких пределах своей задачи – быть органом молодых эмигрантских сил, – журнал себя оправдал вполне» [там

же]. Б.Поплавский же писал о значении журнала для развития новой эмигрантской литературы: *«“Числа” есть атмосферическое явление, почти единственная “атмосфера безграничной свободы”, где может дышать новый человек, и он не забудет её даже в России»* [Поплавский 1930: emigrantika.ru]. Слоним о новаторстве журнала отзывался так: *«Новизна «Чисел» не только в его отличной внешности, в широкой постановке художественного отдела и в привлечении к сотрудничеству молодых писателей. Журнал хочет поставить себе задачи, которые нельзя не приветствовать... если только у его руководителей найдется смелость и способность осуществить свои обещания. «Числа» хотят стать не только «местом встречи» молодых писателей, но и намерены создать атмосферу для какого-то нового литературного течения. Вот что говорит передовая статья первой книжки журнала: “случается в истории литературы, что какое то новое мировоззрение или что-то еще неуловимое, но уже чувствуемое сближает группу людей, объясняет им как-то иначе, нежели их предшественникам, писательское призвание, диктует им еще смутную, но уже явно несходную со всем предыдущим программу деятельности и даже заставляет придумать название той атмосферы, которую они одновременно ощущают как уже почти существующую и создают как еще никогда не бывшую. Так возник в свое время символизм, много раньше романтизм, так возникали и другие течения, менее значительные”»* [Слоним 1930: emigrantika.ru].

С другой стороны, – многие литераторы не видели идейной целостности журнала: *«К сожалению, ни поэтические и прозаические произведения «Чисел», ни статьи журнала не указывают, в чем именно видят создатели и руководители журнала то новое мировоззрение, то формирующееся художественное течение, которому они хотели бы служить»* [Слоним 1930: emigrantika.ru].

Но так или иначе данный журнал до сих пор вызывает у исследователей интерес, потому что в нём содержатся критические статьи, позволяющие составить представление о видении советской литературы в русском зарубежье.

Уже в первом выпуске журнала присутствуют статьи, в которых анализируется деятельность советских литераторов.

Так, русское зарубежье привлёк советский литературный журнал «Красная новь», который был первым толстым литературным журналом, появившимся в стране после революции. Критики видели в нём некий образ советского журнала.

Так, Ю.Мандельштам в своей статье довольно резко отозвался о выпуске журнала за 1929 год: *«Среди участников журнала есть несомненно талантливые авторы, есть и отдельные удачи. Есть даже – и это самое главное – непосредственное ощущение жизни почти во всем, чего писатели касаются. Но все-таки свершений мало.*

Понять причины этого не трудно: «социальное задание» и накладываемый им штамп.

Особенно это заметно в стихах и критических статьях. Большинство печатаемых поэтов совершенно бездарно» [Мандельштам 1930: 241].

По мнению критика, именно «социальное задание» искажает литературу: тематика поэзии совсем не поэтична: «Совхозы», «Делатели вещей», слова, подобранные лириками, кажутся случайными, непродуманными; сюжеты прозы шаблонны – *«герои-партийцы, актуальность и строительство торжествуют»*. Так, например, «у Малашикина «Добрый крестьянин» разоблачает кулака, и даже студент, трагически погибший перед своей свадьбой в «Случае» Дальнего – бывший каменщик. А в XI номере Новиков дал большую повесть «Красная смородина», где к смерти, хотя тоже случайной, девочку-героиню уже прямо ведет «отрыв от класса» [там же]. Комедию Л.Леонова «Усмирение

Бададошкина» Ю.Мандельштам тоже не оценил, назвав попытку обновить жанр неудачной.

Романисты же, как отмечает критик, в частности И. Эренбург, стремясь показать движение прогресса, включают в повествование различные статистические данные, что лишает текст художественности.

Ю.Мандельштам выделяет лишь две повести Всеволода Иванова, в которых, по его мнению, нет клишированных ситуаций и «бодрого строительного тона», а тоска в голосе автора позволяет прочувствовать грусть человеческой души. Также критик отмечает работу Андрея Белого, восхищаясь стилистикой, особой фонетикой и образностью его слога, и ставит на отдельное место стихи Пастернака, чьи ритмы «как всегда искупают многое». Однако даже в творчестве Пастернака автор видит постоянный недостаток – *«все его слова кажутся случайными, не совсем точными, а единственно нужных он и не ищет»* [там же].

Та же случайность в подборе слов и образов, по мнению критика, встречается в стихах и других авторов.

В заключении Ю. Мандельштам пишет, что в журнале *«много интересных попыток, не мало талантливых возможностей, отдельных удач, — но свершений нет, и общий тон политической благонадежности не дает писателю проявить себя»* [там же].

Ю. Мандельштам внимательно изучал даже небольшие по объёму произведения. По его мнению, появилось много *«второсортных советских “продукций” из крестьянской жизни»* [Мандельштам 1930: 246], в которых явно заметно отсутствие художественности, простота слога. Из ряда подобной литературы критик выделяет книгу Нины Смирновой, состоящую из двух повестей, в которых речь идёт о жизни сибирских притаёжных крестьян. Тематика книги, как пишет Ю.Мандельштам, не является редкостью: *«теперь в советской России мода на быт далёких, не совсем русских областей (Сибирь, Кавказ)»* [там же]. К достоинствам данного

произведения критик относит то, как прослеживается авторское *«понимание земли – нивы, тайги»*, что напоминает ему *«здоровый запах избы Тургеневского Хоря»* [там же], а к числу недостатков – выдуманные образы, злоупотребление простонародными выражениями, неубедительное описание людских страшных дел.

Гайто Газданов, обратившись к творчеству Валентина Катаева, советского писателя, по достоинству оценил его сборник рассказов *«Отец»*: *«Нынешний период российской литературы особенно скучен и тяжел: витрины литературных магазинов заполнены колхозными, ударными и пр. повестями, за которые берутся юркие полужурналисты, полуспекулянты, но меньше всего литераторы. В таких условиях книга Катаева кажется оазисом в пустыне. В нормальных обстоятельствах она несколько потеряла бы в ценности; но это не мешает ей оставаться одной из лучших книг рассказов, вышедших за последние несколько лет»* [Газданов 1930: 246]. Лучшим рассказом, по мнению критика, является рассказ *«Отец»*, в котором автор все события передал *«умно и хорошо, с той спокойной и жестокой беспристрастностью и тем отсутствием какого бы то ни было подчеркивания, которые доступны только настоящему писательскому дарованию»* [Газданов 1930: 246].

Большой интерес у критиков русского зарубежья вызвал роман А.Толстого *«Пётр I»*. А. Ладинский отметил художественный талант писателя: *«он с необычайным искусством, с неисчерпаемой изобразительностью передает общий ансамбль эпохи, и эта изобразительность почти никогда не граничит с олеографиями исторических романистов средней руки. Каким-то чутьем, каким-то Божьим даром, какой-то историческою дальнзоркостью наделила его судьба»* [Ладинский 1930: 247]. К преимуществам произведения критик отнёс масштабность и историческую правдивость описываемой эпохи, полновесность образа Петра I, живописность и колоритность картин

Московского допетровского быта, романтизм, *«который веет над страницами этой книги, и который возвышает её над обычными произведениями»* [Ладинский 1930: 247].

В четвёртом выпуске журнала «Числа» Ю. Суцёв опубликовал небольшие рецензии на творчество Ю. Либединского и Д. Лаврухина. Роман Либединского «Рождение героя» критик назвал «тенденциозным» из-за стремления автора объяснить, почему герой произведения не может *«подчинить жизнь личную жизни общественной»* [Суцёв 1930: 272]. Суцёв отметил обстоятельность писателя в описании чувств, мыслей и порывов главного героя, но его не покидает ощущение того, что роман похож на *«упражнение на заданную тему»* [там же]. Таким образом, критик пришёл к выводу, что данное произведение вызвало интерес литераторов не столько своим содержанием, сколько полемикой, развернувшейся вокруг него.

Создавая рецензию на роман Лаврухина «По следам героя», Суцёв сделал акцент не на содержании и идее произведения, а на его ценности как свидетельства о жизни, быте и настроениях в покинутой критиком России.

Ярким, необычным, неожиданным и своеобразным произведением критики русского зарубежья назвали книгу «Зависть» Юрия Олеси. О ней как в зарубежной, так и в советской критике появилось много лестных рецензий, что немало удивило эмигрантских критиков.

Так, В.С. Яновский писал: *«Если мы вспомним, что «принятый» здесь, гоним там, – то факт такого единодушия в оценке книги Олеси становится интересной и чрезвычайно ответственной, во многих отношениях, темой для исследования возможностей сближения психологии находящихся по разным сторонам границы... Это некий мост!»* [Яновский 1930: 272]. К достоинствам данного произведения критик отнёс умение писателя соединять классические традиции литературы XIX века с требованиями новой эпохи.

Н. Андреев, анализируя книгу Б. Пильняка «Волга впадает в Каспийское море», обращается сначала к судьбе самого писателя. Такой подход вызван в первую очередь трагичностью творческой судьбы Б. Пильняка: *«Автор, быть может, самый характерный для революционной эпохи, он оказался отброшенным, забытым ею. Уже сейчас Пильняк кажется каким-то анахронизмом, напрасно воскресшим свидетелем начала двадцатых годов»* [Андреев 1931: 239-240]. В словах критика прослеживается сочувствие и сопереживание к автору. В своей статье он стремится с одной стороны показать сильные стороны творчества Пильняка, а с другой, – выявить причины отсутствия читательской аудитории. Недостаток внимания к несправедливо забытому писателю Андреев объясняет малодоступным смыслом его творчества. Критик отметил, что Пильняк, несмотря ни на что, остался верен себе, своим принципам, своей художественной манере письма. В своих произведениях автор остро реагирует на проблему *«беспощадной, неумолимой и страшной»* современности – враждебность к индивидуальности [Андреев 1931: 240]. Главным в новом произведении, по мнению Андреева, является то, что писатель *«сумел показать несоразмеримое по силам состязание: человеческая воля и стихия, усмирённая человеком. И он дал почувствовать в романе огромный вечный мир, закрытый от нас бедными и тяжёлыми буднями»* [там же]. Таким образом, критик высоко оценил роман «Волга впадает в Каспийское море», назвав его автора *«писателем для немногих»*.

В 9 выпуске журнала «Числа» Н. Андреев обращается к творчеству В. Катаева и его книге «Время, вперёд!», в которой описывается двадцать четыре часа из жизни Магнитостроя летом 1931 года. Критик отмечает, что автор *«отлично передаёт эту лихорадку соревнования, этот азарт рабочих дружин, эту почти спортивную горячку состязующихся; им прекрасно использованы для передачи воздуха строительства, одержимого рекордами, десятки разнообразных удачных деталей»* [Андреев 1931: 218]. Несмотря на

все достоинства книги, Андреев приходит к выводу, что в ней нет черт, способных сделать её великим произведением, так как писателю не удалось самое главное – показать свидетельство о «перестройке» людей, о «строительстве социалистического человека.

Критики русского зарубежья не ограничивались оценкой только художественных произведений советской России, они уделяли внимание и дневниковым записям, и мемуарам, и деятельности биографов. Так, поэт, прозаик и литературный критик Л. Кельберин прокомментировал книгу «Александр Блок» М. Бекетовой, которая являлась тётёй поэта: *«Книга, конечно, по самой своей природе, замечательная, единственная среди всех книг, которые написаны и будут написаны о Блоке.*

Никакой биограф не сможет передать того запаха детской, цвета столовой, где играл и где был Блок, не расскажет даже о таких деталях, как температура воды, в которой Блок купался. Никто не сможет так описать бракосочетание Блока, где сквозь горячую родственную любовь и наивную гордость чувствуется всё, что творилось тогда вокруг Блоков, с чем связаны были чаяния символистов» [Кельберин 1931: 241].

Несмотря на достоинства и ценность материала книги, критик отметил, что некоторые факты, сообщаемые Бекетовой о поэте, могут быть искажёнными по причине издания её под влиянием советской цензуры.

Проанализировав выпуски журнала «Числа», можно сделать вывод, что критики русского зарубежья с интересом относились к советской литературе, так как их волновала судьба оставленной ими родины. Они уделяли внимание всем жанрам литературы, пришедшей из России, творчеству как начинающих, так и уже заявивших о себе писателей. К достоинствам советской литературы критики отнесли умение передать душевную боль и тоску человека, передать особенности быта новой России, острое реагирование на проблемы советской России, а к недостаткам – излишнюю простоту и примитивность сюжетов крестьянской жизни, политический

заказ, мешающий художественности повествования, в котором многие авторы выражают свои мысли шаблонными фразами, включают в повествование статистические данные, добавляют в характеры главных героев черты, которыми, по мнению власти, должны обладать добропорядочные граждане страны.

ГЛАВА 2. ЖУРНАЛ «СОВРЕМЕННЫЕ ЗАПИСКИ» КАК НАИБОЛЕЕ ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ В КУЛЬТУРЕ ЭМИГРАЦИИ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ

2.1 Специфика журнала «Современные записки»

Октябрьский переворот и гражданская война в России вызвали масштабную эмигрантскую волну: страну покинуло около трёх миллионов человек, преследующих духовную миссию – сохранение ценностей и традиций русской культуры, продолжение творческой деятельности без цензурных ограничений. В основных, так называемых «столицах» русской эмиграции – Берлине, Праге и Париже – обосновались известные и только начинающие деятели культуры и политики. Таким образом, возник своеобразный мир интеллектуальной России, воспроизводивший на страницах толстых ежемесячных журналов и ежедневных газет каждую свою мысль, чувство, настроение, касавшиеся не только текущего момента, но и перспектив эмиграции, её восприятия новой России, возможностей связи с ней [см.: Протасова 2016: 70].

Так, одним из самых значимых, влиятельных и продолжительных изданий стал журнал «Современные записки». На сайте Эмигрантика Коростелёв в хронологическом порядке расположил критические обзоры номеров журнала, разборы отдельных публикаций, полемических статей. Обширный список просмотренных исследователями критических разделов периодических изданий о журнале свидетельствует о его необычайной популярности: «Сегодня» (Рига, 1919–1940), «Грядущая Россия» (Париж, 1920), «Последние новости» (Париж, 1920–1940), «Еврейская трибуна» (Париж, 1920–1924), «Руль» (Берлин, 1920–1931), «Русская мысль» (София–Прага–Берлин–Париж, 1921–1927), «За свободу» (Варшава, 1921–1932), «Дни» (1922–1933), «Накануне: Литературное приложение» (Берлин, 1922–

1923), «Накануне: Литературная неделя» (Берлин, 1924), «Звено» (Париж, 1923–1928), «Перезвоны» (Рига, 1925–1929), «Слово» (Рига, 1925–1929), «Благонамеренный» (Брюссель, 1926), «Новый дом» (Париж, 1926–1927), «Новый корабль» (Париж, 1927–1928), «Россия» (Париж, 1927–1928), «Россия и славянство» (1928–1934), «Новый град» (Париж, 1930–1939), «Новая газета» (Париж, 1931), «Молодая Чураевка / Чураевка» (Харбин, 1932–1934), «Молва» (Варшава, 1933–1934), «Журнал Содружества» (Выборг, 1933–1938), «Бодрость» (Париж, 1934–1940), «Меч» (Варшава, 1934–1939).

Рассмотрение истории создания журнала «Современные записки» очень важно для понимания целей, задач, которые преследовали его редакторы. За 20 лет существования (журнал выходил с 1920 по 1940 год) журнал стал одним из главных в литературе русской эмиграции в Европе. В различных выпусках отразились особенности жизни русских эмигрантов первой волны, их мировоззрение и отношение к литературе советской России.

Редактором нового парижского журнала «Современные записки» стал политический деятель, публицист, мемуарист М.Вишняк. Особого внимания для формирования точного представления о журнале заслуживает его книга «“Современные записки”: Воспоминания редактора», в которой он рассказывает о послереволюционных днях в России, опираясь на биографии бывших членов Учредительного собрания и будущих пяти редакторов «Современных записок» – И.И. Фондаминского-Бунакова, В.В. Руднева, Н.Д. Авксентьева, А.И. Гуковского и автора книги. В предисловии от автора М. Вишняк писал о цели, которую он преследовал, создавая мемуары: *«Предлагаемая книга не является кратким резюме 70 томов «Современных записок». Она не претендует на то, чтобы исторически обозреть печатавшееся на протяжении 30 лет в эмигрантском «толстом журнале». И тем не менее в какой-то мере она служит и той, и другой цели... Книга*

написана на основании воспоминаний автора, в течение 15 лет существования журнала совмещавшего редакторские функции с обязанностями секретаря и казначея, и на основании материала, печатавшегося в «Современных записках» и о «Современных записках». Воспоминания часто подкрепляются выдержками из сохранившейся у автора переписки с сотрудниками и редакторами журнала» [цит. по: Ревякин 1995: 203].

Одним из значимых эпизодов мемуаров Вишняка, является отчёт о юбилее журнала, состоявшегося 20 ноября 1932 года по случаю выхода пятидесятой книги «Современных записок». В нём автор упоминает первоначальную цель журнала, с которой редакторы справились: журнал не стремился стать «боевым политическим органом, неизбежно заостряющим свои лозунги и способным объединить лишь тесную группу единомышленников»; напротив, он сделался «органом независимого и непредвзятого суждения о всех явлениях современности...» [там же].

Изначально планировалось сделать издание ежемесячным, но в реальности удавалось издавать не более 6 номеров в год, а с 1931 года – всего 2-3 номера в год. Тираж журнала составлял около 2000 экземпляров. Отличительной особенностью журнала «Современные записки» являлось то, что никто из его редакторов не был ни писателем-беллетристом, ни литературоведом. В большей степени редакторы акцентировали своё внимание на общественно-политических публикациях. Примечательным является тот факт, что редакторам удалось объединить на страницах «Современных записок» всех наиболее выдающихся писателей и поэтов русского зарубежья. Журнал включал в себя многочисленные разделы: исторический, экономический, политический, критико-библиографический. Однако обширнее всего был представлен именно литературный отдел. В нём печатались представители различных партийных и политических направлений, публиковались произведения и самых известных писателей

(Иван Бунин, Иван Шмелев, Дмитрий Мережковский, Александр Куприн, Борис Зайцев, Зинаида Гиппиус), и только начинающих (Гайто Газданов, Нина Берберова).

Первая книга «Современных записок» открывалась статьёй «От редакции», в которой говорилось о целях создания журнала, о том, что он призван служить *«интересам культуры»*, что ему *«суждено выходить в особо тяжких для русской общественности условиях»*. Редакторы выразили уверенность, что *«границы суждения авторов должны быть особенно широки... когда нет ни одной идеологии, которая не нуждалась бы в критической проверке при свете совершающихся, грозных мировых событий»* [цит по: Протасова 2016: 70].

Журнал получил высокую оценку российских и зарубежных исследователей, которые отметили его важность для понимания литературного и интеллектуального пространства эмиграции.

Например, Винавер в статье «“Современные записки”: Ежемесячный литературный и общественно-политический журнал. № 1. Париж, 1920» писал: *«Отрадное впечатление производит этот изящно изданный и богатый содержанием толстый том вновь народившегося на чужбине русского журнала. Так и вспоминаются дорогие покойники: красный «Вестник Европы» с витиеватым, византийского стиля, заглавным шрифтом, серое «Русское богатство», голубая «Русская мысль»... Новый журнал и всем содержанием своим стремится воскрешать память о родине, не дать изгнанникам забывать о ней»* [Винавер 1920: emigrantika.ru]. Он отметил, что создатели нового журнала стремились воскресить в сердцах изгнанников память о Родине, не дать её забыть. И это было очень важным для тех, кто находился в эмиграции.

Задачу «Современных записок» и всех зарубежных литературных изданий в целом Винавер видел в борьбе с большевизмом и охране русских культурных ценностей в изгнании. К достоинствам нового журнала он отнёс

стремление редакторов *«честно и последовательно руководствоваться начертанным в предисловии девизом: “открывать свои страницы для всего, что представляет объективную ценность, устраняя вопрос о принадлежности авторов к той или иной политической группировке”»* [там же]. Винавер оценил разнообразие и актуальность тематики статей, помещённых в журнале. В заключении он писал: *«Можно надеяться, что здоровое начинание редакторов нового журнала увенчается успехом, и русский читатель на чужбине сроднится с ним, как с давно желанным другом, несущим привет от далекой родины и смягчающим тоску по ней»* [там же].

Г. Ландау же в статье «“Современные записки”. Книги 5-6» тоже оценил облик нашумевшего нового журнала, который, по его мнению, опирается на *«давнишние традиции уже внешним своим видом, распределением материала, исконностью отделов и их характером»* [Ландау 1921: emigrantika.ru]. Разноплановость статей, публикуемых в журнале, он расценил как стремление редакторов сберечь все традиции с *«умеренностью уравновешенной терпимости»*.

Позднее, реагируя на 12 и 13 выпуск, он вновь отметит сходство нового журнала со старыми русскими по внешнему виду и составу. Но уже напишет и о том, что *«большие промежутки между выходом отдельных книг неблагоприятно отражаются на тех произведениях, которые печатаются частями»*, так как дробное чтение мешает составлению целостной картины о произведении, и после выхода книги в полном объёме, необходимо её вновь перечитать, чтобы дать объективную оценку изученному [Ландау 1923: emigrantika.ru].

Ландау, как и другие критики, заметил, с какой тщательностью редакторы подходят к подбору материалов. Однако в этом, по его мнению, есть недостаток – публикации отборные, но собраны *«без увлечения»*, оттого

и восприниматься читательской аудиторией они будут «без волнения» [там же].

О возрастающем интересе к выпускам журнала писал И. Демидов в статье «Литературные заметки. Большое дело». Нетерпение читателей, находящихся в ожидании новых книг, он связывал с высоким качеством публикуемой в «Современных записках» литературы: *«Спокойное художественное творчество в беллетристической части, спокойная, серьезная мысль в части публицистической стремятся отразить и осветить жизнь и в недавнем прошлом и в еще текущем настоящем. Если бы на заглавном листе журнала не стояли энигматические слова «*Annales contemporaines*», а внизу листа не было напечатано «Париж», то по прочтении книжки никто не сказал бы, что журнал издается в условиях эмиграции. Одним словом, — это не русский журнал, издающийся за границей, а просто хороший русский журнал, которого сейчас нет и в России»* [Демидов 1921: emigrantika.ru]. Основным достоинством нового журнала, по его словам, является «почвенность» сотрудников журнала, которые смогли *«не оторваться, не потеряться среди разразившегося урагана, а продолжать творить дело русской национальной культуры»* [там же].

Демидов назвал «Современные записки» одной из первых хороших книжек в эмиграции, сравнивая их с «первой ласточкой». Ценность этого журнала подтверждается в его статье мыслью о том, что читатели, даже когда получают возможность вернуться на Родину, возьмут книги с собой, *«ибо они — кусочек России, и место им в России»* [там же].

В журнале «Числа» Антон Крайний писал: *«Кто-то недавно сказал, что «Современные Записки» — «консервативны». Это определение верно и точно. Создатели журнала такую и задачу себе сознательно поставили: консервирование, т.-е. собирание и сохранение «русской культуры». Задача прекрасная, да и чем другим могла заняться группа старых общественных*

деятели, оторванных от привычной работы? Сознавая, что их «задание» требует расширенности, так как в понятие русской «культуры» входит громадная область художественного творчества, они не убоились «приключить» и её к своему делу. «Современные записки» не претендуют на высший суд в сфере, недавно столь чуждой их руководителям; и они мудро держатся лишь несомненного, признанного, предпочитают действовать наверняка, собирают то, что по всеобщему мнению требуется «сохранить». В ясности задачи, в посильном её исполнении — большая заслуга «Современных Записок» [Крайний 1931: 149-150].

Основную задачу журнала С. Поляков видел в собирании редакторами «художественной, культурной и научной мысли рассеянной по миру русской интеллигенции» [Поляков 1921: emigrantika.ru]. Он отметил современность тематики журнала, отсутствие злободневного тона, свойственного большей части эмигрантских изданий, лаконичность политических статей, корректность пишущих на политические темы.

Большое место в его статье отводится анализу художественной литературы, помещённой в журнале, определению ценности критических статей. Рассмотренные материалы были им высоко оценены: «тонкий художественный труд», «подлинно хорошие» стихи, «разнообразность и авторитетность» художественной критики, «содержательные» научные очерки, «замечательные статьи, положительно украшающие журнал» [там же].

В.Д. Набоков тоже дал положительный отзыв о журнале «Современные записки», главную ценность которого составил, по его мнению, литературный отдел. Рассматривая произведения, помещённые в 3 книгу журнала, критик отметил талант и мастерство художников слова. Так, о произведении Толстого «Хождение по мукам» он отозвался, как о произведении с масштабными темами и замыслом, определив роман значительным и талантливym.

Высокую оценку заслужил и рассказ М.А. Алданова «Святая Елена, маленький остров», который В.Д. Набоков назвал *«очень остроумно и удачно задуманным и блестяще выполненным историко-беллетристическим очерком»* [Набоков 1921: emigrantika.ru].

«Красивыми и простыми» назвал критик и стихи Сергея Маковского, *«рисующего уголок в Крыму»*, выявил *«подлинную выразительность народных сказаний»* в сказках и песнях буковинских, переданных Софьей Федорченко [там же].

Небольшой критике со стороны Набокова лишь подвергаются в 3 книге воспоминания И.Е. Репина о Л.Н. Толстом, написанные в 1888 году и хранившиеся у г. Гальперина-Каминского, стиль написания которых критик счёл *«слащавым»*. Не одобрил он и попытку Сергея Карцевского реабилитировать Достоевского как художника, которую посчитал неполной и неуверенной. Не увидел он ничего нового и в религиозно-философских рассуждениях Л. Шестова о бытии Бога. Но эти недостатки не помешали Набокову сделать положительный вывод о 3 книге *«Современных записок»*: *«Как видит читатель, содержание книжки разнообразное. Издана она прекрасно»* [там же].

22 октября в 251 номере «Свободы» появилась заметка под названием *«Современные записки, №7»*, в ней уже звучали наряду с высокими оценками и замечания. По мнению авторов статьи, 7 номер журнала разочаровал публику: в каждом выпуске много интересного, актуального и разнообразного материала, но *«при всём этом обилии в журнале нет главного. Нет журнальной “изюминки”, нет “души”, нет цельности. Беженствующие писатели пишут – о том, о сём, - а о чём-то самом главном молчат»* [«Свобода» 1921: emigrantika.ru]. Это замечание относилось в большей степени не к редакторам, а к самим писателям.

Самыми ценными и близкими к современности авторы статьи назвали стихотворения Марины Цветаевой, написанные в Совдепии и снабжённые

интересным введением К. Бальмонта об эмоциональной составляющей её стихов.

Л. Станиславский в статье «Из текущей русской беллетристики» писал о трагедии на поприще литературы из-за политических событий: *«Нет нужды распространяться на тему, что условия русской жизни и в России и за границей не благоприятствуют литературному творчеству... Грандиозные события, которых свидетелем явилось современное поколение: войны, перевороты, крушение государств и гибель богов, — все это, конечно, заронит творческие семена во многие души, но пройдут еще годы, пока эти семена взойдут и зацветут»* [Станиславский 1922: emigrantika.ru].

Однако чтобы сделать вывод о литературе в целом, критик должен изучить новые произведения, а они, как мы видим, опубликованы в журналах «Современные записки» и «Русская мысль», что говорит о популярности этих изданий, об их современности и распространённости: *«Целый ряд красивых стихов А. Федорова, Глеба Струве, И. Арсеньева, В. Лебедева, М. Невзоровой в “Русской мысли”, — Вячеслава Иванова и З. Гиппиус в “Современных записках”»* [там же].

Оценивая 12 книгу «Современных записок», Осоргин отметил, что лишь у редакторов этого журнала получилось привлечь к сотрудничеству *«представителей разнообразнейших течений демократической мысли и сгруппировать вокруг себя богатые художественно-литературные силы»* [Осоргин 1922: emigrantika.ru]. Двенадцатый выпуск он назвал особенно ценным, так как в зарубежном журнале смогли опубликовать свои произведения писатели из России. По мнению Осоргина, *«издавать такой журнал при нынешних условиях книжного рынка и при наличной степени духовных запросов более состоятельной эмигрантской массы (журнал по цене не общедоступен), — это, конечно, целый подвиг, который заслуживает быть особо отмеченным»* [там же].

Отзыв о 14 выпуске парижского журнала «Современные записки» также свидетельствует о высоком качестве работы его редакторов: *«Уже четырнадцать раз приходили к нам эти белые объемные тома, радуя каждый раз какой-нибудь новинкой художества или мысли. Свидетельство неутомимого напряжения любовной воли. Помню первые книги — они были хороши, но в условиях зарубежного бытия все казалось, что вот иссякнет усилие собирателей: как бы следующие книги не были бледнее? Дружественные опасения оказывались неосновательными. 14-я книга, и, право, кажется, что она едва ли не одна из лучших...»* [Литовцев 1923: emigrantika.ru].

В статье «“Современные записки” XIV(I)» М. Цетлин заметил весомое отличие «Современных записок» от прежних «толстых» журналов, на традиции которых его редакторы опирались: *«Сравнительно слабый интерес к Западу. В то время как в каждой книжке, как и в старых журналах, звучит определенный камертон «внутреннего обозрения», в «С.З.» отсутствует обозрение иностранное. Сравнительно редки также статьи, посвященные отдельным вопросам западной жизни, и совсем нет ни традиционного переводного романа, ни переводных рассказов. Становятся все более редкими и статьи об иностранной литературе. Где причины этого явления, свойственного всей русской печати? Почему, рассеянные по Европе, мы изолируемся от западной жизни? Своеобразное ли это «евразийство», нелюбовь к западной культуре, или, наоборот, нежелание знакомиться с ней по «второисточникам», по переводам, когда окружает нас и так доступна нам она сама? Ограниченность ли места в теперешних журналах? Тоска ли по родине и сознание исключительной важности и интереса того, что там теперь происходит?»* [Набоков 1921: emigrantika.ru].

Основной темой и мотивом журнала Цетлин назвал Россию, он отметил, что для журнала необходимо быть разнообразным по тематике, авторскому составу, отделам и при этом сохранять единство [там же].

Рассмотрев материалы критических статей о журнале «Современные записки», можно сделать вывод о фундаментальности нового издания, который основную свою задачу видел в сохранении на своих страницах культуры истинной России. Достоинств у журнала, по мнению критиков, было много: большое количество отделов, корректность и избирательность в отношении публикуемого материала, масштабность литературного отдела, в котором публиковались не только состоявшиеся писатели, но и начинающие литераторы, получающие возможность заявить в нём о себе. Самое главное, что удалось редакторам «Современных записок» – объединение разрозненных в географическом плане русских эмигрантов на страницах журнала, обретение русским зарубежьем родной «почвы».

2.2 Литература советской России в критике журнала «Современные записки»

В 1920 году в ноябре в статье «От редакции» первого выпуска журнала «Современные записки» была сформирована основная цель издания: *«“Современные записки” XIV(I) будут органом независимого и непредвзятого суждения о всех явлениях современности с точки зрения широких, очерченных выше, руководящих начал»* [От редакции 1920: emigrantika.ru]. Большого внимания с этой позиции заслуживают взгляды эмигрантских критиков на литературу советской России.

Литературную критику нового журнала представляли В.Ф. Ходасевич, З.Н. Гиппиус, В.В. Вейдле, Д.П. Святополк-Мирский, Т. Познер, Г.В. Адамович, К.В. Мочульский, Ф.А. Степун.

Оценивая советскую литературу, критики обращали внимание и на внешний облик издания – качество бумаги, оформление, и на внутреннее содержание книг, стремясь увидеть, чем живут в современной России, на чьи традиции опираются в литературе.

Так, например, Т. Познер в статье «Владимир Короленко. История моего современника. Том III. «Задруга». Москва, 1922» анализ начал с оценки внешнего облика книги: *«Внешность этой книги волнует. Она издана ужасно: отвратительная, грубая, сборная бумага, на которую плохо и неровно легла типографская краска; листы еле сброшюрованы и рассыпаются под руками... О содержании иных бледных страниц можно лишь догадываться. Творение Короленко — любимое детище и гордость «Задруги»... А были времена, когда «Задруга» умела издавать нарядно, красиво и со вкусом не только свои богатые иллюстрированные книги, но и учебники, и народные брошюры, которые шли в продажу по 3-4 коп. за штуку. Что стоит третий том «Истории моего современника»?... Прежние томы стоили сотни рублей. На третьем цены нет: очевидно, по нынешним временам нельзя сказать, почем можно будет продавать книгу завтра..»* [Познер 1922: emigrantika.ru]. Скучный внешний облик книги от издательства, которое когда-то выпускало дорогую и качественно оформленную литературу, заставляет критика с одной стороны сделать вывод об ужасных условиях русской жизни, а с другой — задуматься о том, сколько усилий надо было приложить, чтобы сохранить «Задругу» в целостности и сохранности. Познер отметил, что *«не все погибло — пока среди русского общества жив еще запас энергии и любовь к культуре»* [там же].

Ф. Степун обратился в своей критической статье к творчеству Ильи Эренбурга и его произведению «Жизнь и гибель Николая Курбова». В начале отзыва он вспоминает творческий путь Эренбурга: стихи, в которых *«чувствовалась какая-то подлинная нужда»*, Еврейскую колыбельную, которая *«была и искренна, но её никто не услышал»*, «Молитвы о России», но им *«как-то никто не поверил»* [Степун 1923: 477]. По мнению критика, неприятие произведений писателя в итоге сказалось на его личности: *«в теперешнем Эренбурге налицо какое-то самоотравление»* [там же].

«Теперешний» Эренбург создал, как отмечал Степун, с одной стороны тяжелое и гнусное произведение («Хулио Хуренито и его ученики»), а с другой – *«остро талантливое и симптоматически чрезвычайно значительное, которое из истории наших дней не выкинешь и молчанием не обойдёшь»* [там же].

Критик, проведя сравнительный анализ двух книг писателя («Хулио Хуренито и его ученики» и «Жизнь и гибель Николая Курбова»), пришёл к выводу, что последнее произведение неудачное. Тема книги – борьба старого и нового мира, оттого и, по словам Степуна, атмосфера романа ужасная: *«кровь, доносы, убийства, чека, кабаки, проститутки смрадные души, прыщавые лица. Ни глотка свежего воздуха, ни клочка синего неба»* [Степун 1923: 478]. Будничный быт революции, как отмечал критик, передан автором не глубоко и не существенно, даже любовная линия книги – роман секретарши и члена контрреволюционной «пятерки» – *«надолго остаётся в памяти каким-то тошнотворным натюрмортом»* [там же]. Именно большое количество публицистики, отсутствие живых образов, которые заменили карикатуры, формулы и силуэты, мешает проявиться изобразительному мастерству писателя.

Ф.Степун приходит к выводу, что это связано с тем, что всё русское искусство стоит на распутье: старые идеалы разбиты, а новых ещё нет. Критик отмечает, что Эренбург слишком поторопился в попытке написания новаторской книги, хоть и «вполне современной и по стилю, и по симпатиям, и по идейному содержанию» [Степун 1923: 479].

Большой интерес эмигрантской критики вызвал частный журнал «Русский Современник», в котором печатались М. Горький, Е. Замятин, А. Тихонов, К. Чуковский и А. Эфрос. Во вступительной части критической статьи авторы выделили то, чем именно их привлёк данный журнал: *«он должен явиться средостением между зарубежными остатками литературы и российскими зародышами новой»* [Осоргин 1924: 426].

Критики назвали журнал беспартийным и аполитичным, то есть не уделяющим места вопросам острым и злободневным, что делает его бледным и менее любопытным, чем «Красная Новь», «Заря» или лежневская «Россия», *«но это же даёт ему возможность не жертвовать целых страниц оффиндальной истине, чтобы сказать несколько строк подлинной художественной правды»* [там же].

Новыми для русского зарубежья оказались произведения «Рассказ о самом главном» Замятина, «Два рассказа» Пильняка, отрывок («Иваны») из книги И. Бабеля «Конармия» и неоконченная в первой книжке вещь Леонида Леонова «Записи некоторых эпизодов, сделанные в г. Гоголеве А.П. Ковякиным».

По мнению эмигрантской критики, тема, которую раскрывает в своём произведении Замятин, страшна: *«эпизод гражданской войны, встреча — на разных фронтах двух бывших соратников и товарищей. Один, прежде чем расстрелять другого, допускает к нему любимую им женщину, которая просила за него и готова была — ради спасения любимого — отдать его палачу. На утро он его все же расстреляет. Но оба они, а то и все трое, знают, что-то «самое главное», что выше всех сложных временных обстоятельств, создавших житейскую драму»* [Осоргин 1924: 427]. Критик приходит к выводу, что рассказ интересен, сложен, но не является лучшим произведением автора.

Такую же оценку получил Б. Пильняк. Его творчество показалось эмигрантской критике лишённым художественной образности, о его манере письма отозвались, как о недопустимой и безвкусной.

Более подробно автор статьи обратился к творчеству Леонида Леонова, мало известного русской эмиграции. Его произведения критик высоко оценил, назвав рассказ «Бурыга» фантастическим и наполненным русским юмором. Такое впечатление произвела художественная манера письма Леонова, свежесть и органичность блестящих образов. В его творчестве

эмигрантская критика обнаружила влияние Лескова и Салтыкова-Щедрина. В нём рассмотрели «талантливого бытописателя и тонкого юмориста, способного преодолеть разнообразнейшие литературные формы» [Осоргин 1924: 427].

А книга И.Бабеля «Иваны» подверглась критике со стороны русской эмиграции. Не оценили сюжет и манеру написания, которая целиком и полностью соответствует требованиям к современной российской литературе: бытовая тема гражданской войны, реализм, отсутствие образности.

В заключении критик приходит к выводу, что данный журнал бледен, ничем особым не примечателен, так как появился на нездоровой почве.

С. Познер сделал обзор пяти советских журналов: «Звезда», «Красный Архив», «Красная Новь», «Печать и революция», «Россия». Так, в «Красной Нови» появляются «Материалы к роману» Бориса Пильняка, которому критики неоднократно ставили в вину отсутствие собственного стиля, внедрение в структуру своих произведений отрывки из чужих книг.

«Материалы к роману» Познер назвал неоднородным произведением, включающем в себя и бледные, скучные страницы, и фрагменты, написанные талантливо. В итоге критик называет автора неокрепшим «дарованием» [Познер 1924: 434].

Говоря о произведении Всеволода Иванова «Очередная задача», критик отметил запоминающийся сюжет и умение автора расширять тематику своих книг. Роман Ольги Форш «Одеты камнем» не произвел на Полнера впечатления, он отметил: *«Ошибка в стиле сопровождается у г-жи Форш ошибкой в психологии: её герой, доподлинный русский дворянин-монархист, оказывается, сторонник советской власти, верит в то, что большевики — спасители России»* [Познер 1924: 435].

Главы из сборника рассказов И. Бабеля «Конармия», опубликованные в «Красной Нови», вызвали положительную оценку в русской эмиграции, Познер отметил, что у писателя есть задатки литературного дарования.

Давая оценку стихотворениям, помещённым в «Звезде», «Красной Нови» и «России», критик останавливается только на стихах. Ходасевича, опубликованных в «Звезде» и «России», и Сергея Есенина — в «Красной Нови». Все остальные - *«жалкие потуги рифмотворчества и еще того хуже — изъявление верноподданнических чувств не в меру преданными поэтами и поэтессами»* [там же].

В.И. Талин в критической статье рассмотрел книгу «Наша деревня» Яковлева, где увидел сходство в построении сюжета с его предыдущей работой. В книге изучена обстановка деревни Знаменская Тамбовской губернии. Критик отметил обстоятельную подготовку автора, который не просто изучал документы о деревни, а беседовал с её простыми жителями, с представителями начальства. К достоинствам данной книги Талин относит способность автора видеть деревню, как она есть, умение бесстрашно излагать ужасающие факты о жизни населения, поэтому данная работа заслуживает особого внимания в среде русских эмигрантов.

Печальные выводы делает автор книги: *«полная безысходность в рамках нынешних условий достаточно ярко видна даже из работы такого яркого коммуниста, как наш автор. Ибо все те меры, которые он рекомендует, сводятся в сущности к персональным переменам в составе деревенских работников»* [Талин 1924: 439]. Но критик пишет, что этого не достаточно ещё и по той причине, что всё приезжающие из города начальство, вскоре превращается в тех самых людей, которые доводят до отчаяния Яковлева. Талин отмечает правдивость автора в описании того, что именно советская власть «высасывает» из деревни все силы. В заключении критической статьи автор пишет: *«книжку следует горячо рекомендовать всем интересующимся русской деревней и тенденциями её развитая. К*

сожалению советскую книгу достать за границей крайне трудно» [Талин 1924: 439].

Изучив выпуски журнала «Современные записки», мы пришли к выводу, что русское зарубежье с интересом наблюдало за литературой советской России. С одной стороны, это вызвано тоской по Родине, а с другой, – большинство критиков стремилось не пропускать ни одного нового произведения советских писателей, чтобы понять, какие ценности сейчас в стране на первом месте, как сказалась смена власти и новый политический режим на литературном наследии, узнать о тематике произведений и, конечно же, попытаться совместными усилиями сохранить истинное русское слово. Критики русского зарубежья изучали прозу и опытных писателей, и только начинающих. С интересом восприняли, например, творчество Леонова, увидев в нём потенциал художника слова. Приняли правдивость сборника рассказов Бабеля «Конармия», а вот творчество Пильняка подверглось сильной критике из-за отсутствия высокой художественности в стиле повествования. Критики скептически относились ко многим произведениям, видя на них отпечаток политического заказа и цензуры. Но тем не менее, изучать литературу своей страны они считали нужным.

ГЛАВА 3. ТВОРЧЕСТВО М.ШОЛОХОВА В КРИТИКЕ МЕТРОПОЛИИ И РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

3.1. Роман М.А. Шолохова «Тихий Дон» в российской критике

Роман «Тихий Дон» привлек внимание критики сразу после публикации его первых частей, полный же текст впервые вышел в 1941 г. Первая статья появилась в апреле 1928-го. История критики произведения в период выхода романа в свет составляет двенадцать лет. О критике, посвященной «Тихому Дону», в соответствии с задачами множества исследований писали разные авторы. А вот работ, рассматривающих с критику целостно, не так много, назовем диссертационное исследование Алиева В.В., посвященное западной критике и литературоведению, и защищенную недавно, в марте 2018 года, в ИМЛИ им. А.М. Горького диссертацию. Автор диссертации Е.А. Вишнякова справедливо утверждает, что критика романа «Тихий Дон» на всех этапах активной творческой работы над ним представляет собой явление, вмещающее и плодотворные, и бесперспективные тенденции в осмыслении шолоховского произведения, нашедшие продолжение в поздних исследованиях [см.: Вишнякова 2018: 4].

Е.А. Вишнякова выделила три этапа критического осмысления романа М.А Шолохова за 12 лет и посвятила отдельную главу диссертации каждому из периодов, рассматривая отклики на «Тихий Дон» в контексте литературных дискуссий и политических решений времени, рассматривая статьи и рецензии о романе в связи со спорами о соцреализме и языке, в связи с изменением государственной политики по отношению к казачеству, в связи с присуждением Сталинской премии и др. Четвертая глава содержит анализ эмигрантской критики, основанный на материалах, собранных В.В. Васильевым в книге «Шолохов и русское зарубежье».

Важным достоинством проведенного Е.А.Вишняковой исследования является то, что в каждой из глав последовательно анализируются узловые проблемы осмысления романа: казачество в революции, образ Григория Мелехова, социально-классовое и природное в авторском видении мира, поэтика, традиция. Такой подход позволил автору работы системно и целостно сопоставить и обобщить оценки романа, охарактеризовать феномен полемики о романе «Тихий Дон», сделать выводы об эволюции литературной критики 1920-1940-х гг. в СССР.

Не повторяя пути Е.А. Вишняковой, мы остановимся только на оценке советской критикой образа Григория Мелехова. О герое «Тихого Дона» высказывались самые различные точки зрения, разнообразные, часто полярные оценки, делались сравнения и параллели, выходившие порой за грань серьезного. Например, один литературовед утверждал, что Григорий Мелехов сходен с Остапом Бендером.

Главным редактором журнала «Октябрь», где публиковался «Тихий Дон» в 1928г., был А.С. Серафимович, земляк Шолохова. Он первым выступил с критической оценкой романа. Его статья появилась в «Правде» под названием «Тихий Дон» в апреле 1928 года, сразу после завершения журнальной публикации. Серафимович так оценил шолоховских героев: *«...огромная литературная способность сразу взмыла Шолохова, и его увидели... Без напряжения, без усилий, без длинного введения сразу вы попадаете к казакам, к этим мужикам-хлеборобам в мундире, с мужицким нутром, однобоко и уродливо искривленным царско-помещичьим строем... Да, темны и дики – и внезапно и неожиданно вдруг прощупываете вместе с Шолоховым чудесное сердце, чудесное сердце в загорелой казачьей груди».*

Авторитет Серафимовича – признанного прозаика, старого большевика, друга семьи Ульяновых – был исключительно высок. Новаторское, в высшей степени своеобразное и яркое произведение

Шолохова было в некоторой мере ограждено на какое-то время от литературно-политического ostrакизма.

Публикация второй книги «Тихого Дона» продолжалась с пятого по десятый номер журнала «Октябрь», тут же его опубликовала «Роман-газета».

Примечательны суждения одного из ведущих литературных критиков той поры И. Машбиц-Верова. Давая в общем положительный, хотя и довольно снисходительный, отзыв о романе, он так оценивал мир его героев: *«Шолохов – писатель одной, и достаточно узкой, темы... Узость и постоянство темы Шолохова не означает еще ограниченности творческого кругозора... В нашей литературе до сих пор казаков показывали достаточно односторонне и по шаблону. Шаблон этот был введен еще Гоголем и Толстым. Он состоял в том, что казачество – все равно украинское, донское, уральское или кавказское – показывалось лишь с одной, наиболее блестящей, так сказать, декоративной стороны... От этой относительной и потому неверной традиции, к сожалению, мало ушла и литература современная. Серафимович («Железный поток»), Бабель («Конармия»), Gladков («Конь огненный») – все эти писатели показывали казаков опять-таки, главным образом, в героически-боевом ореоле. Шолохов впервые в нашей литературе подошел к казачеству по-иному, изнутри».*

Образ самого Григория Мелехова рассматривался критиком вскользь и довольно упрощенно, критик выражал надежду на то, что автор приведет Григория к коммунизму. Сходную оценку первым двум частям романа дал В. Ермилов в журнале «На литературном посту», где главным редактором был Л. Авербах, глава РАППа: *«Когда автор описывает казацкий быт... у Шолохова хватает и красок, и мастерства, и художественно выполненных деталей. Но когда нити стягиваются на другом полюсе-рабочем Бунчуке или Штокмане, герои эти начинают говорить газетным*

языком... В некоторых местах роман «автобиографичен»: Шолохов там смотрит глазами Мелехова – человека, постепенно идущего к большевизму. Сам автор этот путь уже проделал, доказательством чего служит беспощадно выводимая Шолоховым дикость традиций казачества, многие отвратительные черты быта».

В 1929 г. не менее десятка литераторов напрямую высказали свои суждения в статьях, проводились и многочисленные публичные обсуждения. Суждения критиков о романе отличались снисходительным одобрением и упрощенной социологичностью. От Григория Мелехова по-прежнему требовали последовательного участия в революции и осуждали его судьбу, какой она выстраивалась в «Тихом Доне». Характерны в этом смысле суждения М. Майзель в ленинградском журнале «Звезда»: *«Первая книга «Тихого Дона» держалась на сочной экзотике местного материала и густой, полнокровной лирике... Вторая книга полностью опирается на исторический документ... Документы подобраны у Шолохова со вкусом, но изобилие их иногда «переключает» роман в другой план... И без того неясная фигура Мелехова, который, как казалось, должен был явиться носителем революционного начала в романе, окончательно потускнела. Его временное участие в гражданской войне на стороне большевиков плохо мотивировано, равно как и последующий быстрый уход к белогвардейцам».*

На пленуме РАППа в сентябре 1929 критики рапповцев Лидия Тоом и Александр Бек объявили, что Шолохов является по сути кулацким писателем, ибо *«он с любовью изображает старый казачий быт»*, а герои «Тихого Дона», в особенности Григорий Мелехов, являются выражением этого настроения. Правда, им возражали А. Фадеев, А. Селивановский, В. Ермилов, но аргументы их основывались на вульгарно-социологическом толковании романа и его главного героя. Резче всех это выразил

напостовский деятель И. Нович, заявивший там же, что Григорий Мелехов непременно придет к признанию революции.

Многочисленные толкования первой половины «Тихого Дона» подытожила рапповская Л. Тоом. Без колебаний она объявила, что Коршуновы и Мелеховы – в равной мере кулаки, М. Шолохов идеализирует «собственников».

Первые две книги «Тихого Дона» вызвали многочисленные отклики в печати и на литературных публичных обсуждениях, а третья, задержанная книга вызвала несколько уклончивых откликов. Заслуживает внимания пространная статья Ф. Гинзбурга о неоконченном шолоховском романе («Знамя», середина 1933 г.). В начале статьи автор полемизирует с точкой зрения В. Шкловского, который зачислил автора «Тихого Дона» в число «почвенников»; сам Гинзбург считал, что Шолохов *«не просто крестьянский писатель, идущий к пролетариату»*, а *«писатель, отражающий в своем творчестве всю мучительную трудность и противоречивость этого пути»*. Сейчас не следует спорить, был ли автор русской «Илиады» писателем «пролетарским» или «крестьянским», важно проследить, что критик говорит далее. О Григории, фигуре ярко индивидуальной, стоящей выше своей среды, критик пишет как о человеке, не сумевшем преодолеть власть земли, власть собственности.

В. Перцов высказывает в статье 1936 г («Знамя», ноябрь) не только оценку главного героя романа («темный», «дикий», «человек сильных страстей»), но и рекомендации автору в отношении развития этого образа: Григорий должен разрывать с прошлым и осознать большевизм как единственный путь для всего трудового казачества.

Другие – не очень многочисленные – критические работы о «Тихом Доне» конца тридцатых годов отличались, к сожалению, малой содержательностью. После выхода в свет первой книги «Поднятой целины», которая получила единодушно восторженную оценку, при

отсутствии даже попыток критического анализа, М. Шолохов сделался заметной фигурой, его деятельность вышла далеко за пределы писательской работы: на Первом съезде писателей он избирается в руководящие органы союза, занимается разнообразной общественной работой, участвует в представительных форумах и конгрессах, награждается орденами, в тридцать седьмом году его избирают депутатом Верховного Совета СССР. Одна из хвалебных, но бессодержательных статей о Шолохове так и называлась: «Кандидат Новочеркасского округа». Похвалы в адрес М. Шолохова сделались в ту пору модой. Вот примеры из одной лишь «Литературной газеты». Я. Эйдельман: *«Оставаясь в своей «провинции», Михаил Шолохов больше любого нашего писателя знает страну, всю нашу действительность, видит все мельчайшие изменения в психике советского человека»* (1937, 20 окт.). Валентин Катаев: *«Всей своей деятельностью, всеми страницами своих книг Михаил Шолохов доказал свою большевистскую стойкость, высокую идейность, беспредельную преданность партии Ленина-Сталина»* (1937, 26 окт.).

В конце 1937 года началось издание новой, седьмой части «Тихого Дона», первой половины четвертой, заключительной книги романа; в мартовском номере 1938 года в «Новом мире» журнальная публикация была завершена. Продолжение публикации вызвало ряд выступлений в литературной критике.

В конце тридцатых годов многочисленные читатели обращались к М. Шолохову, в органы печати и Союз писателей, прочие инстанции и организации, чтобы автор «Тихого Дона» непременно привел своего героя Григория Мелехова к служению советской власти. От М. Шолохова требовалось в ту пору незаурядное мужество, чтобы закончить главную книгу своей жизни именно так, как он ее закончил. Неожиданный для многих финал романа, связанный с судьбой его главного героя, поставил в центр тех обсуждений образ Григория Мелехова. Если считать, что судьба

его есть в обобщенно-художественной форме отражение судеб русского народа на величайшем изломе его истории, а это, несомненно, так, то легко понять, сколь идеологически значительными были мнения, носившие внешне сугубо литературоведческий характер.

Первым выступил в «Литературной газете» влиятельный в ту пору критик Ю. Лукин. Оценка главного героя была суровой: *«Григорий остался одиночкой... Он оказался не в силах выпутаться из переплета сословных предрассудков, которые веками культивировал царизм в казачестве. Григорий мог бы быть нашим человеком, но он безнадежно запутался. Трагический смысл книги, мне кажется, в этом... Григорий остался в живых, но по существу он умер»*. Важно обратить тут внимание на одно лишь выражение: Григорий Мелехов, мол, «не наш человек»... Такая в высшей степени спорная оценка надолго, однако, осталась у части литературоведов. Л.Г. Якименко в монографии одну из глав назовет «Наши люди» и посвятит её образам коммунистов, а Григорий для литературоведа, как и для критиков, «не наш».

Примерно в том же духе высказывался критик М. Чарный, статья его недвусмысленно называлась: «О конце Григория Мелехова и конце романа». Вердикт критика о судьбе главного героя «Тихого Дона» был не только более развернутым, но и более определенным: *«Не доверяет ему друг детства, революционер Мишка Кошевой. Вся заключительная часть романа может создать впечатление, что, не будь этого недоверия... Мелехов не бежал бы, не попал бы опять в антисоветскую банду и не кончил бы так трагически. Но для всего образа Григория Мелехова гораздо существеннее то, что еще до встречи с Кошевым он является перед нами опустошенным, измученным до последнего предела... Почему «надоела» Мелехову контрреволюция – это изображено обстоятельно и с огромной силой убедительности. Почему «надоела» революция – не видно... Здесь что-то недосказано... Автор не оставляет на этот счет почти никаких*

надежд... Так что же – вся почти полностью погибающая мелеховская семья, в том числе и Григорий, это – прошлогодняя трава, обращенная огнем в едкую темную пыль? По-видимому, ответ таков...» Действительно, приговор суров: не только Григорий, но вся его семья достойны лишь уничтожительного конца.

Продолжая обсуждение «Тихого Дона» в «Литературной газете», критик И. Гринберг осторожно возразил предшествовавшим ему авторам: *«Разумеется, Григорий Мелехов – это отнюдь не заурядный белогвардеец. Разумеется, ему не по пути с контрреволюционным офицерем... Вспоминая слова Егора Булычева, можно сказать, что он «не на той улице живет». Но именно в этом-то и заключается смысл романа, именно в этом и состоит трагический его конфликт... Столкновение логики исторического хода событий и логики личной судьбы Мелехова».* Тут впервые произнесено важное слово в отношении главного героя «Тихого Дона» – трагедия.

На исходе 1940 года обсуждение «Тихого Дона» началось уже в «толстых» литературных журналах. В «Молодой гвардии» высказался весьма видный в ту пору критик и идеологический деятель И. Лежнев в статье «Две души» Григорию Мелехову выносится безоговорочно смертный приговор, и никаких смягчающих обстоятельств критик для него не находит: «Григорий стал не колхозником, а, напротив того, бандитом. Это опрокинуло навзничь все прежние замыслы и догадки некоторых критиков...»

Попыткой объективно рассмотреть и оценить трагический образ главного героя «Тихого Дона» стала статья Б. Емельянова во влиятельном тогда журнале «Литературный критик». Емельянов рассуждал о праве Григория на трагедию и трактовал её как трагическую вину, то есть критик остался на партийной позиции, утверждая, что Григорий был жертвой «всемирно-исторического заблуждения»

К сожалению, такого рода оценки «Тихого Дона» разделялись многими критиками той поры. Вновь выступил в начале 1941 года И. Лежнев, заголовок его статьи звучал недвусмысленно отрицательно – «мелеховщина». Автор вновь толковал о «тысячах предрассудков и реакционных поветрий» среди героев романа, однако в оценке самого Григория прозвучала новая нота, и она заслуживает внимания: *«Выгодно отличается Григорий среди остальных персонажей романа своей принципиальностью, бескорыстием... С омерзением относится Григорий к грабежам на войне, ведет систематическую борьбу с этой, также казачьей, «традицией» ...Он – рыцарь без страха и упрека, патриот-воин беспредельной храбрости, человек долга и чести. Он многосторонне одарен... Его чувства тонки и сложны. Ему близки идеи социальной справедливости... В образе Григория Мелехова воплощена двуличность мелкой буржуазии... В груди героя романа сожительствоуют и бурно сталкиваются две души: одна – полупролетарская, другая – «хозяйская»... Вся его судьба ярко выраженная борьба тех двух начал... «мелеховщина» – это трагедия мелкобуржуазной раздвоенности».*

Л. Левик в популярном журнале «Знамя» писал, что Григорий Мелехов есть прежде всего «собственник», а это и определяет суть его природы. Правда, высказывалось это в относительно осторожной форме: *«Оказывается, что право на то, чтобы «жить да поживать мирным хлеборобом и примерным семьянином», то есть на то самое счастье, о котором всю жизнь мечтал Григорий, нужно было завоевать с оружием в руках. Григорий же, вместо того чтобы завоевывать это счастье, боролся с теми людьми, которые хотели завоевать его для всего трудового народа и для самого Григория в том числе».*

Перед самой войной в «Новом мире» вышла статья литературоведа В. Щербины, в то время ответственного секретаря (главного редактора) этого журнала. Общий смысл выступления В. Щербины резко

противостоял пренебрежительному, по сути – презрительному отношению к миру «Тихого Дона». Без нажима и полемических выпадов автор четко и недвусмысленно выразил свой взгляд: *«Отношение наше к героям «Тихого Дона» не сводится к осуждению. Они обладали оригинальными, самобытными характерами. Некоторые казачьи черты высоко ценит и современный советский человек»*. Заканчивалась эта примечательная статья ясным выводом: *«Тихий Дон» – патриотический роман в самом высоком смысле этого слова»*.

Начавшаяся война прервала обсуждение «Тихого Дона». Однако первый этап споров, происходивший во время работы автора над романом и непосредственно после его завершения, исключительно важен и имеет самостоятельное литературоведческое значение. Художественные достоинства «Тихого Дона» столь очевидны, что оспаривать их было невозможно. Критические копья скрестились вокруг образа главного героя. Именно тогда и выявились две полярные точки зрения: согласно первой, Григорий Мелехов – трагический образ, герой народного эпоса, а с противоположной – отщепенец, порождение темного быта, враг. С тридцатых годов и вплоть до нашего времени слышны в нашем литературоведении отголоски литературных баталий прошлых лет.

3.2 Произведения М.А. Шолохова в осмыслении эмигрантской критики

«Тихий Дон» М.А. Шолохова, вызвавший споры и высокую оценку в Советском Союзе, был замечен эмигрантской критикой уже с появлением первых двух книг романа. Однако до сих пор эмигрантская критика о романе не осмыслена до конца. Самой значительной работой, посвящённой оценке деятельности писателя русским зарубежьем, является труд В.В. Васильева «Шолохов и русское зарубежье». Книга представляет собой *«первый систематизированный свод идей и мнений о художественном и*

политическом феномене классика мировой литературы М.А.Шолохова в критике русского зарубежья конца 20-х – первой половины 80-х годов [Васильев 2003: 4]. В ней собраны отзывы эмигрантов М. Алданова, Н. Берберовой, Б.Зайцева, Е. Кусковой, В. Ходасевича, М. Корякова, Г. Климова, А. Кузнецова и других о личности и творчестве автора «Тихого Дона» и «Поднятой целины». Цель нашей работы в этом разделе – обобщить как отзывы известных критиков о романе-эпопее «Тихий Дон», так и малознакомые, не введенные в широкий научный оборот источники.

В.В. Васильев констатировал во вступительной статье, что Шолохов после публикации «Тихого Дона» сразу же приобрёл популярность среди самых разных по социальному положению и жизненному опыту читателей: *«Имя Шолохова, поднявшегося из низов и низы олицетворявшего, с его народной Россией, «по определению» лишённой не только навыков демократической жизни и свободного мышления, но и всяческих признаков и зачатков культуры, становится знаковым в кругах эмигрантской политической и художественной элиты»* [Васильев 2003: 7].

На страницах различных журналов и газет появлялось большое количество рецензий, статей, отзывов о романе «Тихий Дон». Но в большей степени критики русского зарубежья с осторожностью изучали и комментировали произведение Шолохова. Большинство критиков считало, что признание высокой художественности романа будет означать принятие того порядка жизни, который эмиграцией не принимался, оттого русским зарубежьем «Тихий Дон» не был достаточно освещён. Тем не менее, роман Шолохова обрёл обширную читательскую аудиторию и занял почётное место среди других произведений, что подтверждает талант и мастерство писателя. Так, В. Васильев отмечал, что *«в октябре 1930-го – январе 1931-го Шолохов по читаемости занимал пятое место среди советских авторов, а в октябре – декабре 1932-го – второе»* [Васильев 2003: 6].

В оценке романа русским зарубежьем имели место разные характеристики, порой не совпадающие с воззрениями читателей. Мнение профессиональных критиков в большей степени зависело от их отношения к советской власти, которое сказывалось потом на восприятии творчества советских писателей.

Русское зарубежье очень волновал вопрос о том, насколько писатель придерживается в своём произведении официальной идеологии. Поэтому многие критики, анализируя роман Шолохова, стремились выявить идеологическую тенденцию.

Первая критическая статья о романе Шолохова «Тихий Дон» в русском зарубежье была опубликована в парижском журнале «Последние новости» 20 сентября 1928 года. Автор работы Н. Кноринг в первую очередь обратил внимание на специфику изображения казачества. Он писал, что основной художественной ценности нет в том, как Шолохов изображает казачество, а основное достоинство романа заключается в беспристрастном изображении героев [см. Кноринг 1928: 3].

Г.Адамович отмечал, что в эмиграции одной из самых читаемых и обсуждаемых книг, как и в советской России, стал роман «Тихий Дон»: *«Шолохова ценят, Шолоховым зачитываются»*. По его мнению, даже те, кто *«склонен видеть гибельное наваждение в каждой книге, приходящей из Москвы, выделяет “Тихий Дон”»* [Адамович 2003: 74]. В статье автор очень ярко отразил предубеждение, с которым большинство русских эмигрантов изучало советскую литературу, это связано было в первую очередь с неприятием нового политического режима в стране: *«– А, здорово! Здорово! Ловко, негодяй, пишет. Замечательно выворачивает, подлец. Здорово!*

В глазах у него было искреннее удивление: советский писатель, а не совсем бездарен и туп; на книжке пометка Государственного издательства, а читать не противно» (там же).

Г. Адамович дал высокую оценку роману: *«Привлекает в Шолохове свежесть. Привлекает первобытная сила его характеров. Привлекают даже лирические отступления... Это настоящий «roman-fleuve», если воспользоваться модным сейчас выражением. Дыхание ровное, размах большой. Талант автора, повторяю, вне всяких споров»* [там же]. Однако, по мнению критика, деятельность Л. Леонова как художника крупнее и значительнее трудов М.А. Шолохова: *«В нём есть беспокойство, которое рождается только присутствием мысли. Леонов способен написать сто или двести плохих и лживых страниц, но вдруг «взлетит» и в нескольких строках искупит все свои грехи. Шолохов не срывается, но и не взлетает»* [там же]. Популярность романа Г. Адамович объяснял тем, что от книг Шолохова *«пахнет Россией, самой подлинной, неизменной»* [там же].

В свою очередь, К. Зайцев увидел в произведении некоторую противоречивость. Описание казачьего быта и персонажей дано увлекательно: *«Человеческая драма, в непритязательной бытовой оправе, с тем большей силой отпечатывается в сознании читателя, причём не только как острая фабула, но и как изображение жизни людей, становящихся постепенно близкими и родными читателю. Перед вами проходит масса лиц, но даже если это совершенно эпизодические встречи, вы запоминаете их, вы видите этих людей, у вас ни на минуту не возникает сомнения в их подлинности. Портреты, живые портреты!»* [Зайцев 2003: 48]. А всё, что связано с изображением Шолоховым войны и революции, представляется Зайцеву *«надуманным и выхолощенным»*: *«Но вот в этот близкий автору и ставший близким читателю казачий быт врывается война, а потом революция. Увы! ... Увлечение, с которым вы начали чтение романа, постепенно ослабевает и тускнеет»* (там же). Критик приходит к выводу: *«В романе “Тихий Дон” автор является художником и только художником, пока он описывает далекий от политики казачий быт. Как только ему приходится сойти с этой “аполитической” позиции, он*

начинает лгать. Типичная большевицкая идеология начинает овладевать его пером... Редко когда приходилось испытывать чувство такой острой обиды за автора. Вот уж подлинно – жертва большевицкого режима!» [там же].

Критик же Д.Воротынский, казак по происхождению, своим долгом считал по крупицам собрать биографию писателя, в коем увидел несомненный талант и чей роман считал предметом гордости всего казачества: *«Мы будем благодарны всяким справкам о Шолохове, гордости поправленного казачества, который на наших глазах достиг вершин человеческого творчества и роман которого «Тихий Дон» большая критика (не эмигрантская) заслуженно сравнивает с великим творением «Война и мир» Льва Толстого»* [Воротынский 2003: 82]. Именно сопоставление романа Шолохова с произведением Толстого позволяет судить о высочайшей оценке таланта первого. Ведь деятельность Л.Н. Толстого на тот момент уже была признана всеми литераторами, а Шолохов только начинал свой путь.

К достоинствам романа критики относили музыкальность и певучесть языка романа: *«Музыкальность и цветистость Шолоховского языка имеет ту особенность, что автор без неприятных натяжек вводит чисто донские словообразования в литературный русский язык и тем обогащает его. (К примеру: рыбалить, займище, будыль, неуправка, зоревать и многое другое). Правда, наряду с отмеченным положительным словарным материалом, встречается словесный бурьян и чертополох (ругательства, коверканье языка и прочее). Но здесь Шолохов не оригинален: редкий советский писатель воздержится от подобного – иногда легкомысленного, иногда преступного – отношения к дару Божьему, языку»* [Чхеидзе 1929: 29].

В парижской газете «Возрождение» Гулливер (коллективный псевдоним В.Ходасевича и Н.Берберовой, под которым они вели «Литературную жизнь») писал о том, что в советской России роман Шолохова находится под пристальным вниманием, так как за изображение «белой»

казачьей среды политическая благонадёжность автора ставится под вопрос [см. Васильев 2003: 9]

Борис Ширяев в статье «Воля к правде» к достоинствам романа отнёс его правдивость и смелость: *«...то действительно глубокое волнение, которое произвёл «Тихий Дон» в среде русского читателя, было обусловлено ... сказанной им (Шолоховым) правдой, той правдой, которую страстно жаждет и ждёт от писателя современный подсоветский русский интеллигент, той правдой, говорить, а тем более писать которую в окопах торжествующего социализма физически невозможно»* [Ширяев 2003: 122]

На наш взгляд, заслуживают внимания не только выделенные В.В. Васильевым источники, но и малоизвестные публикации в эмигрантской прессе. К таким мы относим рецензию, размещенную в первом выпуске журнала «Числа», в котором критик Ю. Фельзен дал высокую оценку двум первым книгам романа-эпопеи: *«У Шолохова большой талант, не худосочный и не мнимо-«черноземный», какие во множестве преподносятся читателю различными пролетарскими издательствами. Шолохов – казак, знает и любит то, что описывает, он кровно привязан к этой – то семейной и хозяйственной, то воинственно-вольной – жизни»* [Фельзен 1930: 240]

Самым замечательным, по мнению критика, является то, что Шолохов первым открыл непосвящённому читателю *«своеобычную казачью жизнь, столь непохожую на крестьянскую»* (там же), уделяя особое внимание внутреннему устройству быта казачества. Ю. Фельзен также отметил, что роман-эпопея написана под влиянием «Войны и мира» Л.Н. Толстого, но книга Шолохова *«не бледное ученичество и не подражание: у автора свой строй фразы и, главное, свой внутренний тон»* [там же].

Единственным недостатком книги Шолохова, по мнению Ю. Фельзена, является то, что автор не может также образно воссоздавать картины русской жизни. Но то, как поэтично воплощает писатель сцены казачьего быта,

заставляет даже самых пристрастных критиков проникнуться сюжетом эпопеи.

В 10 выпуске журнала «Числа» литературный критик и поэт Ю.К. Терапиано в статье «Путешествие во глубь ночи» назвал творчество Шолохова второстепенным: *«Есть эпохи, когда передовая линия искусства должна быть замещена второстепенными единицами (Шолохов, Сирин)»* [Терапиано 1934: 210], что говорит о настороженном отношении русского зарубежья к советским романам.

В своих отзывах критики частично признавали достоинства романа, но всё равно затруднялись дать однозначную оценку: *«... даже такой интересный писатель, как Шолохов, пишущий только о казаках, точно не неизвестен, кто – он, казак или нет, но в эмиграции в этом отношении, среди казачества наблюдается довольно любопытное и утешительное явление»* [Балыков 1929: 12]. А Познер отмечал: *«Чего ради вопить о «Тихом Доне» как о шедевре? Этим можно только дискредитировать русскую литературу в глазах западного читателя. Ведь в своих истинных границах, этот роман не лишён достоинств»* [Познер 1930: 17].

Проанализировав ряд критических статей, посвящённых роману Шолохова, можно прийти к выводу о том, что критика настороженно отнеслась к произведению, так как оно пришло из советской России. Но изучив роман, эмигрантская критика увидела в нём такие черты, которые позволили сделать вывод о мастерстве автора, его художественном таланте. Противоречивые мнения о романе М.А. Шолохова «Тихий Дон» связаны, как нам представляется, не только с тем, что это произведение советского писателя, но и со своеобразной, никому не свойственной ранее манерой письма автора, яркостью, живостью, правдивостью картин трагедии донского казачества, воплощённых на страницах произведения. Именно поэтому во многих статьях критики одновременно и хвалили нового писателя, и

стремились в то же время найти изъян, не зная, как правильно отреагировать на такой новаторский роман.

Убедительным доводом о популярности таланта писателя за границей может послужить тот факт, что за жизнью М.А. Шолохова пристально наблюдали. Так в парижской газете «Возрождение» за 1938 год появилась небольшая заметка под названием «Арест Шолохова». Она начиналась словами: *«Известный советский писатель, автор нашумевшего романа “Тихий Дон” Михаил Шолохов арестован.*

Аресту, как сообщают из достоверных источников, предшествовало исключение Шолохова из союза писателей и из коммунистической партии» [«Возрождение» 1938]. Причину такой опалы автор заметки видит в том, что писатель *«занял отрицательную позицию по вопросу проводимой в отношении казачества политики»* [там же]. Ведь Шолохов и в романе «Поднятая целина» подробно воссоздал картины разорения советской деревни вследствие коллективизации.

После нашумевшего романа «Тихий Дон» в советской России по главам начала выходить новая книга Шолохова «Поднятая целина», которая тоже оказалась в центре внимания. Н.С. Тимашев писал, что *«строгий литературный критик укажет в нём множество недостатков, начиная от искусственной завязки и кончая надуманностью многих характеров, введённых автором как будто для того, чтобы заполнить предуказанную схему, дать полный набор фигур в той шахматной партии, в какую, в воображении твердолобых кремлёвских владык, выливается жизнь»* [Тимашев 2003: 69]. Но критик справедливо отмечает, что читателя подкупает именно живость образов, бытовых ситуаций, что «автору удалось – как это ни парадоксально – облечь кровью те фигуры, ввести которые в игру он был обязан; даже для многих условных типов сумел он найти живое выражение» (там же).

Данный роман поражает сознание читателя, по мнению Н.С. Тимашева, тем, что он правдиво описывает один из самых страшных эпизодов истории русского государства – коллективизацию, сопровождающуюся раскулачиванием.

Многих критиков русского зарубежья волновал вопрос о том, на чьей стороне писатель: поддерживает ли он политику Сталина или лишь притворяется его сторонником?

Георгий Адамович противоречиво отозвался о новом романе Шолохова: с одной стороны «Поднятая целина» мельче предыдущего романа по замыслу, а с другой – *«в ней всё, о чём рассказывает Шолохов, живёт: каждый человек по-своему говорит, всякая психологическая или описательная подробность правдива. Мир не придуман, а отражён. Он сливается с природой, а не выступает на ней своенравно-наложенным, чуждым рисунком»* [Адамович 2003: 75].

Таким образом, оценки личности и творчества М.А. Шолохова в эмигрантской критике различаются. При этом контрастные взгляды и мнения можно встретить не только в работах разных критиков, но даже в пределах одной статьи: художник большого таланта и автор, в чье творческое *«будущее верится с трудом»* (Г. Адамович), *«жертва большевистского режима»* и человек, несомненно, одаренный, в чьих книгах чувствуется рука настоящего писателя (К. Зайцев). Но, несмотря на полярность мнений, необходимо отметить, что представители русской эмигрантской критики по достоинству оценили романы М.А. Шолохова «Тихий Дон» и «Поднятую целину», признав мастерство писателя как художника слова.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Литературная критика русского зарубежья характеризуется высоким уровнем и вносит весомый вклад в сокровищницу русского литературоведения. Изучение восприятия советской литературы русской эмиграцией позволяет нам сделать следующие выводы.

Писатели русского зарубежья свою главную задачу видели в сохранении духовных ценностей русской классической литературы, поэтому с неприятием относились к экспериментам со стилистикой и языком произведений. Так, в своих критических работах одни литераторы писали, что в советской России невозможно создать талантливые произведения из-за жёсткой цензуры, политического заказа, из-за того, что крупные и талантливые писатели покинули страну. А другие, напротив, вставали на защиту советской литературы, видя в ней героическую попытку продолжения и сохранения прежних традиций. Несмотря на разнообразие позиций по отношению к литературе советской России, все эмигранты не принимали сугубо «советских» писателей, соцреализм, критика во многом сохраняла политизированный характер.

Обратившись к выпускам парижского журнала «Числа», мы сделали вывод, что русское зарубежье с интересом относилось к советской литературе, так как их волновала судьба оставленной ими родины. Они уделяли внимание всем жанрам литературы, пришедшей из России, творчеству как начинающих, так и уже заявивших о себе писателей. К достоинствам советской литературы критики отнесли умение передать душевную боль и тоску человека, передать особенности быта новой России, острое реагирование на проблемы советской России, а к недостаткам – излишнюю простоту и примитивность сюжетов крестьянской жизни, политический заказ, мешающий художественности повествования, в котором многие авторы выражают свои мысли шаблонными фразами, включают в

повествование статистические данные, добавляют в характеры главных героев черты, которыми, по мнению власти, должны обладать добропорядочные граждане страны.

Изучив критические статьи о журнале «Современные записки», можно утверждать, что это издание носило фундаментальный характер. Журнал основную задачу видел в сохранении на своих страницах культуры истинной России. Достоинств у журнала, по мнению критиков, было много: большое количество отделов, корректность и избирательность в отношении публикуемого материала, масштабность литературного отдела, в котором публиковались не только состоявшиеся писатели, но и начинающие литераторы, получающие возможность заявить в нём о себе. Самое главное, что удалось редакторам «Современных записок» – объединение разрозненных в географическом плане русских эмигрантов на страницах журнала, обретение русским зарубежьем родной «почвы».

Русское зарубежье с интересом наблюдало за литературой советской России. С одной стороны, это вызвано тоской по Родине, а с другой, – большинство критиков стремилось не пропускать ни одного нового произведения советских писателей, чтобы понять, какие ценности сейчас в стране на первом месте, как сказалась смена власти и новый политический режим на литературном наследии, узнать о тематике произведений и, конечно же, попытаться совместными усилиями сохранить истинное русское слово. Критики русского зарубежья изучали прозу и опытных писателей, и только начинающих. С интересом восприняли, например, творчество Леонова, увидев в нём потенциал художника слова. Приняли правдивость сборника рассказов Бабеля «Конармия», а вот творчество Пильняка подверглось сильной критике из-за отсутствия высокой художественности в стиле повествования. Критики скептически относились ко многим произведениям, видя на них отпечаток политического заказа и цензуры. Но тем не менее, изучать литературу своей страны они считали нужным.

Публикация первых книг романа М.А. Шолохова «Тихий Дон» вызвала в советской России бурную полемику, в то время, как оценки личности и творчества М.А. Шолохова в эмигрантской критике были более позитивные, хотя и не однозначные. Контрастные взгляды и мнения можно было встретить не только в работах разных критиков, но даже в пределах одной статьи. Такая осторожность в оценке романа объяснялась тем, что его автор – советский писатель. Но, несмотря на это, необходимо отметить, что представители русской эмигрантской критики по достоинству оценили романы М.А. Шолохова «Тихий Дон» и «Поднятую целину», признав мастерство писателя как художника слова.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Агеносов, В.В. Литература Russкого зарубежья [Текст]. – М.: Terra, Спорт, 1998. – 543 с.
2. Адамович, Г. Литературная неделя [Электронный ресурс] // Иллюстрированная Россия. – 1930. – № 20 (261). – С. 16. – URL: <http://www.emigrantika.ru/rusparis/355-pom> (Дата обращения: 10.11.2017)
3. Адамович, Г. Одиночество и свобода [Текст]. – М.: Республика, 1996. – 447 с.
4. Адамович, Г. Шолохов [Текст] // Шолохов и русское зарубежье. – М.: Алгоритм, 2003. – С. 74 – 80.
5. Азаров, Ю.А. Журнал «Современные записки»: партийная редакция и литература [Текст] / Русская культура XX века на родине и в эмиграции. Имена. Проблемы. Факты / под ред. М.В. Михайловой, Т.П. Буслаковой, Е.А. Ивановой. – М., 2002. – Вып. 2. – С. 279–297.
6. Алеев, Р. В. М.А. Шолохов в западном литературоведении и литературной критике [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... канд. филол. Наук// Человек и наука. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/m-a-sholohov-v-zaradnom-lite...> Дата обращения 14.02.2018
7. Алданов, М. «Современные записки». Ежемесячный общественно-политический и литературный журнал. Книга 2 [Электронный ресурс] // ПН. 1921. 3 февр. № 242. С. 3. URL:<http://emigrantika.ru/news/743-bookv> (Дата обращения: 10.03.2018)
8. Беляев, Б.Л. Александр Александрович Фадеев: Биография писателя. пособие для уч-ся [Текст]: – Л.: Просвещение, 1969. – 127 с.
9. Боборыкин, В.Г. Александр Фадеев. Творческий портрет [Текст]. – М.: Московский рабочий, 1979. – 160 с.

10. Богомолов, Н.А. «Современные записки» [Текст] / Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918-1940/ под ред. А.Н. Николюкина. – М.: РОССПЭН, 2000. – Т.2. Периодика и литературные центры. – 443 с.
11. Бочаров, А.Г. Жанры литературно-художественной критики [Текст]. – М., 1982.
12. В поисках новой идеологии: Социокультурные аспекты русского литературного процесса 1920-1930-х годов [Текст]/ отв.ред. О.А.Казнина. – М.: ИМЛИ РАН, 2010. – 608 с.
13. Васильев, В. Михаил Шолохов. Очерк жизни и творчества [Текст] / В. Васильев // Молодая гвардия. – 1999. – № 7, 8, 9, 10.
14. Васильев, В.В. Огни во мраке: Шолохов в сознании интеллигенции «с того берега» [Текст]// Шолохов и русское зарубежье / сост., вступ. статья, примеч., именной указатель В.В. Васильева. – М.: Алгоритм, 2003. – С. 5- 44.
15. Винавер, М.М. [Рец.:] Современные записки: Ежемесячный литературный и общественно-политический журнал. № 1. Париж, 1920 [Электронный ресурс] // Еврейская трибуна. 1920. 24 дек. № 52. С. 12. URL:<http://emigrantika.ru/news/743-bookv> (Дата обращения: 10.03.2018)
16. Вишнякова Е. А. Роман М.А. Шолохова «Тихий Дон» в литературной критике конца 1920-х – начала 1940-х годов XX века [Электронный ресурс]: автореф. дисс. ...канд. филол. наук. – М., 2018. http://imli.ru/images/Diss_2018_Vishnyakova/disser-vishnyakova.pdf (Дата обращения: 11.02.2018)
17. Воротынский, Д. Близкое – далёкое (Новочеркасск – Шолохов) [Текст] // Шолохов и русское зарубежье. – М.: Алгоритм, 2003. – С.81-83
18. Голубков М.М. История русской литературной критики XX века (1920-1990-е годы) [Текст]: учеб. пособие для студ. филол.фак. ун-тов и вузов/. – М. : Издательский центр «Академия», 2008. – 368 с.

19. Демидов, И. Литературные заметки. Большое дело [Электронный ресурс] // ПН. 1921. 1 сент. № 422. С. 3. [СЗ № 1–6] URL:<http://emigrantika.ru/news/743-bookv> (Дата обращения: 10.10.2017)
20. Добренко, Е. Об «истребительной критике» золотого века советской литературы [Текст] // Новое литературное обозрение. – 2011. – № 4 / (110)
21. Егоров, Б.Ф. О мастерстве литературной критики: жанры, композиция, стиль [Текст]. – Л., 1980.
22. Егорова, Л.П., Чекалов, П.К. История русской литературы XX века [Электронный ресурс]: учебное пособие. –Выпуск второй. Советская классика. Новый взгляд. // <https://www.twirpx.com/file/71873/> (Дата обращения: 10.10.2017)
23. Ермакова, В.К. Владислав Ходасевич – сотрудник журнала «Современные записки» [Текст] / Литература русского зарубежья (1920–1940-е годы): Взгляд из XXI века: Материалы Международной научно-практической конференции 4–6 октября 2007 года / Под ред. Л.А. Иезуитовой, С.Д. Титаренко. СПб.: Филологич. ф-т СПбГУ, 2008. С. 104–109.
24. Жулькова, К.А. «Современные записки» на страницах «Нового журнала» [Текст] / Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение: Реферативный журнал.– М.: ИНИОН, 2001. – № 4.
25. Жулькова, К.А. Литературная критика парижского журнала «Современные записки» (1920–1940): Проблемы литературно-критического процесса [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / К.А. Жулькова. – М., 2001. – 23 с.
26. Жулькова, К.А. Некоторые аспекты психо-биографической литературной критики на страницах журнала русского зарубежья «Современные записки» [Текст] / Словесное искусство Серебряного века и дальнейшее развитие литературы. – М.: МПУ, 2001.

27. Зайцев, К. «Тихий Дон» Шолохова [Текст]/ Шолохов и русское зарубежье. – М.: Алгоритм, 2003. – С. 47 – 51.
28. История литературы русского зарубежья (1920-е – начало 1990-х гг.) [Текст]: учеб. пособие для вузов / под ред. А.П. Авраменко. – М.: Академический Проект; Альма Матер, 2011. – 706 с. – (Gaudeamus)
29. История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи [Текст]/ под ред. Е.Добренко, Г. Тиханова. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 792 с.
30. Казнина, О.А. Русские в Англии: Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века [Текст]. – М.: Наследие, 1997. – 416 с.
31. Классик без ретуши: Литературный мир о творчестве И.А.Бунина. Критические отзывы, эссе, пародии (1890 - 1950-е годы): Антология [Текст]/ общ. ред. Н.Г. Мельников. – М.: Книжница: Русский путь, 2011.
32. Корниенко, Н.В. «Нэповская оттепель»: Становление института советской литературной критики [Текст]. – М.: ИМЛИ РАН, 2010.
33. Коростелев, О.А. «Современные записки» в отзывах критики [Текст] // Вокруг редакционного архива «Современных записок» (Париж, 1920–1940): Сб. статей и материалов /под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – С. 11–19.
34. Критика 1917-1932 годов [Текст]/ сост., вступ. статья, преамбулы и примеч. Е.А. Добренко. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 459, [5] с/ – (Библиотека русской критики).
35. Критика русского зарубежья: в 2 ч. Ч. 1 [Текст]/ сост., предисл., преамбулы, примеч. О.А. Коростелев, Н.Г. Мельников. – М.: ООО «Издательство «Олимп»: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 471.– (Библиотека русской критики).
36. Критика русского зарубежья: в 2 ч. Ч. 2 [Текст]/ сост., предисл., преамбулы, примеч. О.А. Коростелева, Н.Г. Мельникова. – М.: ООО

«Издательство «Олимп»: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 459. – (Библиотека русской критики).

37. Лавров, А.В. Двадцать лет «Современных записок» [Текст]// Современные записки: Общественно-политический журнал. Репринтное комментированное издание: в 70 т. Т. 1 / под ред. М.Н. Виролайнен, С.В. Куликова. – СПб.: Издательский дом «Петрополис», 2010. – С. 7–16.

38. Ландау, Г. «Современные записки». Книги 5–6 [Электронный ресурс] // Руть. 1921. 9 окт. (26 сент.). № 273. С. 7. URL:<http://emigrantika.ru/news/743-bookv> (Дата обращения: 10.03.2018)

39. Лебедева, С.Э. Литературная деятельность Георгия Адамовича на страницах журнала «Современные записки» [Текст]// Восток-Запад: пространство русской литературы и фольклора. Материалы II Международной научной конференции (заочной). Сб. науч. работ. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2006. – С. 68–75.

40. Лебедева, С.Э. Основные направления литературной полемики русского зарубежья первой волны и ее отражение в журнале «Современные записки» [Текст]: дисс. канд. филол. наук. / МГГУ им. Шолохова. – М., 2007.

41. Лейдерман, Н.Л. Русская литературная классика XX века [Текст]: монограф. очерки. – Екатеринбург : УрГПУ, 1996.

42. Литературная критика русской эмиграции: материалы к библиографии [Текст]/ сост. О.А. Коростелев//Классика и современность в литературной критике русского зарубежья 1920-1930-х годов: Сборник научных трудов ИНИОН РАН. / отв. ред Т.Г. Петрова. – М.: ИНИОН, 2005. Ч. I. – С. 137-186.

43. Литовцев, С. «Современные записки» [№ 14] [Электронный ресурс] // Дни. 1923. 18 марта. № 117. С. 13.

URL:<http://emigrantika.ru/news/743-bookv> (Дата обращения: 10.03.2018)

44. Мандельштам, Ю. Красная Новь. Номера 1-11. Гос. изд. 1929 г. [Электронный ресурс] // «Числа». – 1930. – №1. – URL: <http://www.emigrantika.ru/images/pdf/chisla1.pdf> (Дата обращения: 10.11.2017)

45. Мандельштам, Ю. Нина Смирнова. В лесу. Повесть. Гос. изд. 1928 г. [Электронный ресурс] // «Числа». – 1930. – №1. – URL: <http://www.emigrantika.ru/images/pdf/chisla1.pdf> (Дата обращения: 10.11.2017)
46. Михайлов, О.Н. Литература русского зарубежья [Текст]. – М.: Просвещение, 1995. – 432 с.
47. Михайлов, О.Н., Азаров, Ю.А. Журнал «Современные записки»: литературный памятник русского зарубежья [Текст] / Литература русского зарубежья. 1920–1940 / под общ. ред. О.Н. Михайлова; отв. ред. Ю.А. Азаров. М.: ИМЛИ РАН, 2004. – Вып. 3. С. 5–57.
48. Млечко, А.В. «Современные записки» в контексте культуры русского зарубежья: (К постановке вопроса) [Текст]// Вестник Волгоградского гос. университета. Сер. 8: Литературоведение. Журналистика. – Волгоград, 2001. Вып. 1. – С. 66–72.
49. Мусатов, В.В. История русской литературы первой половины XX века (советский период) [Текст] / В.В. Мусатов. – М.: Высш. шк., Изд. центр «Академия», 2001.
50. Набоков, В.Д. «Современные записки». Книжка III. Париж 1921 г. [Электронный ресурс] // Руль. 1921. 17 (4) апр. № 126. С. 6. URL:<http://emigrantika.ru/news/743-bookv> (Дата обращения: 10.03.2018)
51. Николаев, Д.Д. Единство, но не тождество (к изучению русской литературы 1920–1930-х годов) [Текст]// Литературоведческий журнал. 2005 –№ 19. – Русская словесность в мировом культурном контексте: материалы международного конгресса (Москва, 2004). – М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН. – С. 155-164
52. Осоргин, М.А. Современные записки. Ежемесячный общественно-политический и литературный журнал. Кн. XII-ая. Париж 1922 [Электронный ресурс] // Дни. 1922. 3 дек. № 30. С. 11. URL:<http://emigrantika.ru/news/743-bookv> (Дата обращения: 10.03.2018)

53. Познер С. Писатель, критик и читатель (кой-какие итоги) [Электронный ресурс] // ПН. 1924. 10 февр. № 1166. С. 2. [По поводу статьи З.Н. Гиппиус «Полет в Европу» (СЗ № 18)] URL:<http://emigrantika.ru/news/743-bookv> (Дата обращения: 10.03.2018)
54. Проблемы теории литературной критики. Сборник статей [Текст]. – М., 1980.
55. Прозоров, В.В. История русской литературной критики [Текст]. – М.: Высшая Школа, 2002. – 463 с.
56. Русская литература XX века: учеб пособие для студентов высш. пед. учеб. заведений: в 2 т. Т. 1. 1920-1930-е годы; Т. 2. 1940-1990-е годы [Текст] / под ред. Л.П. Кременцова. – М.: Академия, 2002.
57. Русские писатели, XX век. Биобиблиографический словарь: в 2 ч. Ч. I, II [Текст] / редкол. Н.А. Грознова и др.; под ред. Н.Н. Скатова. – М., 1998.
58. Савинков, Б. О родине [Электронный ресурс] // За свободу. 1923. 7 окт. № 228 (977). С. 2. [Статья Авксентьева «Patriotica» (СЗ № 1) и «Мои воспоминания» С. Волконского] URL:<http://emigrantika.ru/news/743-bookv> (Дата обращения: 10.03.2018)
59. Сатарова, Л. Золотое слово М.А. Шолохова. (Роман «Тихий Дон» и духовные традиции русской литературы) [Текст] / Л. Сатарова // Подъем. – 2005. – № 5. – С. 201-217.
60. Сатарова, Л.Г. Роман М. Шолохова «Тихий Дон» в контексте традиционных ценностей русской культуры [Текст] / Л.Г. Сатарова // Русская литература и философия: постижение человека: Материалы Всероссийской научной конференции / отв. ред. В. А. Сарычев. – Липецк, 2002. – С. 244 – 249.
61. Слоним, М.Л. Новый эмигрантский журнал («Числа» № 1. Париж, 1930) [Электронный ресурс] // Воля России. – 1930. – № 3. – С. 299–302. – URL: <http://www.emigrantika.ru/rusparis/382-pom> (Дата обращения: 10.11.2017)

62. Струве, Г. «Современные записки» [Текст]/ Струве Г. Русская литература в изгнании. – Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1956. – С. 50–56.
63. Струве, Г. П. Русская литература в изгнании: Опыт исторического обзора зарубежной литературы [Электронный ресурс]// 3-е изд., испр. и доп.: Краткий биографический словарь русского Зарубежья Р.И. Вильдановой, В.Б. Кудрявцева, К.Ю. Лаппо-Данилевского.
URL: http://vtoraya-literatura.com/pdf/struve_russkaya_literatura_v_izgnanii_1996_text.pdf (Дата обращения: 10.11.2017)
64. Фельзен, Ю. Мих. Шолохов. Тихий Дон. Кн. 1 и 2-ая. Изд. «Московский рабочий» [Электронный ресурс] // «Числа». – 1930. – №1. – URL: <http://www.emigrantika.ru/images/pdf/chisla1.pdf> (Дата обращения: 10.11.2017)
65. Чернец, Л.В. Как наше слово отзовется: учебно-методическое пособие по истории русской критики [Текст]. – М., 1998.
66. Шешуков, С. Неистовые ревнители: Из истории литературной борьбы 20-х годов [Текст]. 2-е изд. – М., 1984. – 351 с.
67. Ширина, Е.А. Бунин в зеркале критики (о методических аспектах использования антологии «Классик без ретуши») [Текст] //И. А. Бунин и мировая культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию присуждения русскому писателю И.А. Бунину Нобелевской премии. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ БелГУ, 2014. – С. 126- 130.
68. Ширина, Е.А.Бунин и критики. Рецензия на книгу «Классик без ретуши: Литературный мир о творчестве И.А.Бунина. Критические отзывы, эссе, пародии (1890 – 1950-е годы)» : Антология / общ. ред.: Н.Г. Мельников [Текст]. – М.: Книжница: Русский путь, 2011. – 928 с.//Литературная учеба. – 2013.– № 3. – С.232-235.
69. Ширяев, Б. Воля к правде [Текст] // Шолохов и русское зарубежье. – М.: Алгоритм, 2003. – С.120-126.

70. Шолохов, М. А. Собрание сочинений: в 8 т [Текст]. — М.: Гос. изд-во худож. лит., 1956-1960.